НАТАЛЬЯ РАТОБОР

ЦАРСТВУЙ ВО МНЕ

СМУТА. ВОЙНА. ЛЮБОВЬ

16+

Наталья Ратобор

Царствуй во мне

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Ратобор Н.

Царствуй во мне / Н. Ратобор — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Дворянин и кадровый офицер царской армии становится красноармейцем. Как происходит такая метаморфоза? Сможет ли герой остаться Человеком в искусительное время Русской Смуты? Устоять помогает любовь... Но ее история неоднозначна. Акценты в отношениях расставляет война. Сначала Первая мировая, потом — гражданская.

© Ратобор Н., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Предисловие 6
Часть I 7
Глава 1 7
Глава 2 11
Глава 3 20
Глава 4 23
Глава 5 24
Глава 6 26
Глава 7 32
Глава 8 40
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Наталья Ратобор
Царствуй во мне

Книга посвящается брату, Сергею Викторовичу Захарову, коренному петербуржцу и бывшему кадровому офицеру, майору Советской Армии, участнику Афганской кампании 1979–1989 гг.

Ты царствуй во мне, благий и Человеколюбивый Господи…
И жити мне прочее по Твоей благоволи воли.
И подаждь ми неизреченною благостию
сердца очищение, уст хранение,
правоту деяний, мудрование смиренное,
мир помыслов, тишину душевных моих сил,
радость духовную, любовь истинную,
долготерпение, благость,
кротость, веру нелицемерну,
воздержание обдержательное и всех мя благих плодов исполни
дарованием Святаго Твоего Духа.

Следованная Псалтырь, молитва по 17-й кафисме

Предисловие
Миновать суводь

Горе миру от соблазн: нужда бо есть прити соблазном: обаче горе человеку тому, имже соблазн приходит.
(Мф. 18:7)

Отстоящие от нас более чем на столетие превратности русских революций и Первой мировой войны: крах государственного строя великой державы, разрушение богатейшего культурно-исторического русского пространства, скомканные жизни, психические эпидемии взаимной ненависти, кровопролитная гражданская война – как это стало возможным?

Больно прикасаться к чудовищному прошлому. Не потому ли спираль времени упорно возвращает нас в сходные обстоятельства, что урок не усвоен?

Эта книга является попыткой обывателя вернуться в минувшие дни и заглянуть в лица нашим прадедам и прабабушкам. Их влекло потоком истории в омут – они торопили течение. Они жили своею жизнью: богохульствовали или молились, развратничали – или искренне и чисто любили, имитировали творчество или писали гениальные стихи, бездумно сибаритствовали или тяжко трудились. Каждый выбирал свое, но сложилось так, что Господь измерил своею мерою весь народ и не препятствовал движению его к погибели.

Настала пора всем нам, а не только историкам, переосмыслив тяжкое прошлое, получить прививку от порочности, предательства, малодушия – на пользу настоящего и будущих поколений. А с другой стороны, удивиться крепкому стоянию верных. Предохранит ли это нас от роковой участи тех, кто, затянутый течением взаимной ненависти и саморазрушения, сгинул в бездонном омуте? Это зависит от нас с вами.

Часть I
Углебоша в пагубе

Бог егда хочет показнити человека,
отнимает ум.
Ипатьевская летопись

Это жалкое, желтое тело
Проволакиваем:
Мы —
– В себя —
Во тьмы
И в пещеры
Безверия,—
Не понимая,
Что эта мистерия
Совершается нами —
в нас.
Андрей Белый

Умертвите убо уды
ваша, яже на земли,
блуд, нечистоту,
страсть, похоть злую
и лихоимание, еже есть
идолослужение,
Ихже ради грядет
гнев Божий
на сыны противления
Послание св. Апостола Павла к Колоссянам 3:5–6

Глава 1
Подвенечное головокружение

В квартире коллежского советника Колесникова, расположенной на Литейном проспекте, царил переполох. Ожидалось важное и радостное событие: помолвка Валерии Леонидовны, его единственной дочери, красавицы и умницы, выпускницы Мариинского училища благородных девиц. В столовой спешно расставляли приборы, на кухне источал призывные ароматы рыбный расстегай; господин Колесников прилаживал гвоздику в петлицу мундира. В уборной, а заодно и девичьей спальне, высокая и стройная до сухощавости Валерия подкалывала упавшие на плечи шелковистые пряди, отливающие медью, и раздраженно покрикивала:

– Не те серьги, Маша! Вон бирюзовые – те, что к глазам идут. В другой шкатулке! Зачем рассыпала? Аккуратнее собирай – это драгоценности, а не навоз. Эдакая нерасторопная бестолочь.

Горничная, из вчерашних деревенских девушек, волнуясь и поспешая, то и дело роняла предметы, опрокинула флакон дорогих духов.

– Маша, ты совсем дура? Неделю придется спальню проветривать. А от меня будет за версту нести.

– Ой, барышня, простите, случайно… И почти не тянет от вас – я же не на платье пролила.

– Вовремя с пререканиями! Погоди, доложу папе – посговорчивей и порезвее наймут.

Тем временем видный молодой обер-офицер, подпоручик Валерий Валерьянович Шевцов, недавний выпускник 1 разряда Владимирского военного училища, прибыл с букетом фиалок в собственном, хотя и не новом экипаже. Проверив в кармане сохранность бархатного футляра, он торопливо стянул перчатки с влажноватых от волнения ладоней. Ступив на скрипящий снег, задрал голову и, придерживая фуражку, пристально посмотрел на высокие окна третьего этажа.

– Лера, Лерочка, Леруся, – пыхнув морозным паром, нараспев промурлыкал он, направляясь к массивной резной двери парадного входа.

Взбежав по ковровой дорожке, замешкался и возбужденно потер лоб. Сегодня Валерий Валерьянович решился просить руки прелестной Валерии, по иронии судьбы нареченной тем же именем. На балу у Мещерских его представили молодой особе с тонкими чертами лица, обладательнице локонов цвета сердолика, оттенявших белизну нежной кожи (хотя злоречивые сплетники прошипели бы, что девушка обильно напудрена). Шевцов потерял голову – и увел девушку у старинного товарища по кадетскому корпусу, Бориса Емельянова. Отныне, едва позволяли служебные обязанности, подпоручик Шевцов не упускал случая нанести визит в заветное жилище на Литейном. Испытывая юношеский восторг от приветных взглядов и остроумия девицы, млея от мимолетного лилейного аромата ее шелков, молодой человек бесповоротно влюбился.

Обычно надменной Валерии Леонидовне льстило обожание стройного молодого офицера, обращавшего на себя внимание военною выправкой и ладной фигурой. Привлекал волевой взгляд живых, проницательных глаз подпоручика, выражающий чувство собственного достоинства и одновременно доброжелательность. Хищноватый нос не портил умного лица с четко очерченными скулами и пропорциональными чертами. Коротко подстриженные иссиня-черные волосы, аккуратные виски. Крепкий, выносливый, семижильный. Молодого человека сопровождала репутация перспективного офицера и прилежного академиста. Валерия Леонидовна сочла честолюбивого Шевцова выгодной для себя партией. Завистники возразили бы, что у Валерия Валерьяновича молоко на губах не обсохло и что у него слава благонравного девственника, но этот факт отнюдь на заслонял его жизнелюбия и целостности натуры.

* * *

На предсвадебный вечер Шевцов позвал доброго приятеля, товарища по военному училищу, без пяти минут подпоручика 2 разряда Сергея Александровича Дружн***о***го. Остается неясным, что свело вместе двух настолько разных людей – выдержанного Шевцова, обладателя острого взгляда и скупого на болтовню, и ветреного гуляку, зубоскала и фразера, выдумщика Дружн***о***го. Должно быть, они дополняли друг друга противоборствующими стихиями, как лед и пламень.

Крупнолицый, большеротый пересмешник Дружн***о***й в твидовом крапчатом гражданском пиджаке и белой сорочке с подколотым крупной рубиновой булавкой амарантовом галстуке – сегодня был особенно в ударе: кривлялся, проказничал, фонтанировал каламбурами и жонглировал шутками.

– Господа любезные, а вы детей своих одинаково нареките: и мальчиков и девочек – Валериями. Тогда в глубокой старости, когда люди лишаются памяти и путают имена родственников, будет полная ясность.

Валерий усмехался, медноволосая Лерочка обнажала высокие десна в пристойной улыбке.

– Ну хорошо, а как вы дома друг друга станете именовать? Лерочка с Лерочкой? Шевцов, как вас сестрица к обеду зовут?

– Мы Валерика Валенькой станем называть, а меня – Лерой, по-домашнему, уж как повелось, – откинув обычную церемонность, доверительно делилась Валерия Леонидовна.

– Не подсказывайте, Лера, пусть сам разгадывает, если такой любознательный.

– Шевцов, признай, в училище ты нарочно воздерживался от светской жизни и хранил себя для дивной Афродиты. Милая Валерия Леонидовна! Ручаюсь: он был целомудрен, аки агнец, и занимал себя исключительно тем, что вгрызался в гранит науки. И – voila! – в результате имеем отличника 1 разряда, на зависть соперникам!

– Уймись, болтун. Лесть тебе совсем не к лицу.

– Виноват! Отныне стану восторгаться скрытно. Но я не в силах сдержать ликование в присутствии восхитительной пары. За вас, господа!

– Изволь, шалопут. Добавить шампанского?

– Не откажусь. Как намереваетесь провести Крещение, уважаемая Валерия Леонидовна?

– 5 января[1] после навечерия соберемся домашним кругом, по-семейному, а в праздник мы с Валерой отправимся по родственникам с поздравительными визитами.

– Рассчитываешь подать прошение об отпуске, Валерий?

– Да, после венчания к концу января отправимся в свадебное путешествие по Италии. Господин полковник одобрил мой выбор и отечески благословил.

– Как же иначе. Общеизвестно, как начальство к тебе благоволит, баловень судьбы. Ваше здоровье, Валерия Леонидовна.

* * *

Выходя из квартиры, Дружн***о***й повернулся к товарищу:

– Отчего Емельянов не явился?

– Дуется, что я отбил Валерию. Ничего. Перемелется – мука будет.

– И на венчание не собирается?

– Очевидно, нет.

– Почему бы Борису не переменить предмета воздыханий? Или незадачлив в амурном вопросе?

И Дружн***о***й принялся излагать свое представление об отношениях полов. Шевцов не был расположен его поддерживать.

– Шевцов, ты старомоден, как забытый на чердаке башмак, и добродетелен до приступа рвоты. Над тобой, помнится, еще юнкера потешались, что ты льнешь к пыльным книгам и более занят благонравными визитами к папеньке, чем братскими пирушками. И как только тебя не зацукали, чем ты пронял наших корнетов? Твое бытие безвкусно и бесцветно, Шевцов! Как тебе с этим устаревшим во всех смыслах, захламленным образом мыслей удается привлекать женщин?

Валерий почувствовал себя задетым:

– Я не стремлюсь никого привлекать, не к чему и спорить. И откуда тебе знать мою жизнь? Что есть, по-твоему, настоящая, яркая жизнь? Сколько людей нашего круга пребывает в нереализованной праздности – и довольно эффектно, театрально томится. Точно соревнуются – кто кого перехандрит и переохает. Причем норовят подвести под это свое высокохудожественное томление вздорную философскую основу, которую можно коротко передать одним емким словом: пустословие. То составляют «третье Евангелие», то завывают бездарные вирши о спасительной абстрактной жертве и, без перехода, об исступленности неизбежных порочных

[1] Здесь и далее даты указаны по старому стилю.

страстей. И все в едином порыве массового безумия разрушают единственную основу, на которой зиждется их благополучие. Точно пассажиры потерявшего управление корабля, дрейфующего в открытом море. Их крутит подводными течениями и переменчивым ветром, а они заламывают руки и упиваются бесплодностью жизни, вместо того чтобы немедленно и толково заняться починкой двигателя. И ведь даже не подозревают, что своим бездействием приближают неизбежную гибель всего судна. Мало того: половина пассажиров даже не скрываясь, долбит днище, а вторая – аплодирует либо, отвернувшись, хватается за мелкие делишки. От них разложение передается команде, которая им потворствует… У меня оскомина от этой паранойи самоуничтожения. По моему мнению, жизнь должна быть осмысленной, ответственной, подлинной. Без надрыва и пошлости. Моя жизнь – реальна и наполнена. Знаю, это ныне не дорого ценится. Теперь в моде страдать без причины, заглушая тоску истошным пустозвонством. Короче говоря: с жиру бесятся. Но утонченно, изысканно бесятся.

– Смею не согласиться. В разгаре живой дискуссии мы находимся в поиске лучших, новых смыслов и идеалов. Новой духовности и новых целей для возрождающейся России. А ты, Шевцов, зол. И радикален в суждениях.

– Ничуть. Отображаю действительность, как она есть. А ты как раз бесцельно продолжаешь словопрения: спор ради спора.

– Ты намерен свернуть дискуссию оттого, что пасуешь перед моими аргументами!

– Отнюдь нет. Просто у меня органическое неприятие бесплодной полемики. Мне жаль распылять энергию и тратить время.

– Ты бываешь невыносимо скучным и пресным, как великопостные щи.

– А тебе не хотелось бы обсудить что-нибудь конкретное, прикладное, полезное? Тогда помолчим.

Глава 2
Противостояние

6 января 1905 года Валерия неожиданно вызвали в полк, стоящий в предместьях столицы. Командование сухопутных войск известили о необходимости быть наготове, чтобы в любой момент отправиться в Санкт-Петербург. Валерий не успел сообщить об этом Лере. На Крещение они не увиделись, что вызвало нарекания обиженной девушки.

8 января полк прибыл в столицу и расположился во временных казармах. Ранним морозным утром 9 января пехоту вывели на улицы и построили группами, чтобы воспрепятствовать демонстрации рабочих продвинуться к Зимнему дворцу. Задачей пехотных частей была поддержка казачьей кавалерии, получившей приказ раздробить и рассеять колонны, организованно подходившие из рабочих районов.

Подпоручик Шевцов отправился со своим отделением к Нарвским воротам. Валерий Валерьянович был предельно собран: это было его первое дело. Ему не довелось принять участие в Русско-японской войне, и он считал себя новичком, хоть и храбрился. Напряженные шеренги солдат и конных гренадеров курились паром. На морозе остро пахло лошадиным потом и навозом.

Демонстрация с хоругвями и иконами накатывалась безбрежной волной. Казалось, по всему городу несется пение «Спаси, Го-о-осподи, люди Твоя-я-я и благослови достоя-я-яние Твое-е-е». Воспринималось до жути тягостно.

– Отправьте вперед кавалерию – унять бунтарей! – услышал Шевцов.

Наезжая на забастовщиков, всадники засвистали нагайками – толпа вскипела воплями, ругательствами, проклятьями. Из ее недр грянул выстрел. Одного из наездников сволокли наземь. Взводного саданули по спине древком креста, досталось и его лошади по крупу.

Побуждаемые подстрекателями, люди продолжали напирать. Цепочка в шинелях по команде ощерилась штыками. Прозвучали упредительные сигнальные рожки.

Шевцов расслышал лихорадочный шепот капитана:

– Не расходятся! По уставу полагается стрелять боевыми.

Рабочие напирали с нарастающим возмущенным гулом. То тут, то там рассеянные в толпе группки эсеров принимались горланить призывы к свержению самодержавия, стремясь обострить ситуацию. Обстановка накалилась до предела.

Капитан нервничал:

– Поступили указания от Его Превосходительства?

– Так точно! Боевыми!

Отдаваясь эхом в голове, прогремели выстрелы. За мгновенье до этого первый ряд демонстрантов дружно бросился на землю и стремительно откатился в стороны, точно наперед ожидая перестрелки. Теперь уже стреляли и в пехотинцев – из толпы и с крыш прилегающих к площади зданий, но нестройно, невпопад. Иступленные крики покалеченных повисли в воздухе. Люди бросились бежать, давя и сметая друг друга, с остервенением напуганного стада затаптывая упавших. Кровопролитие свершилось.

Шевцова ощутимо трясло. К горлу подкатывала сосущая тошнота. Он и помыслить не мог, что придется расстреливать русских, гражданских. Не так он представлял себе военную службу.

Проспект стремительно обезлюдел. На скользкой ледяной мостовой остались темными силуэтами убитые и возбуждавшие ужас, хрипло стонущие и орущие раненые. Солдаты помогали их вывозить. Шевцов остановил взгляд на покрытом меловой бледностью, усатом лице коренастого мертвого мужчины:

«Этот безоружный… Шел на заклание за чужие идеи… Должно быть, рабочий или даже мастер… Столичные неплохо зарабатывают. Пожалуй, семья, дети, квартиру снимали не тесную, лечились при заводе, наверняка дети в школе… Чего им не хватало? Политических свобод? Зачем они этому пожилому семейному человеку с устоявшейся жизнью? Зачем ему и его семье эти бесплодные фантазии? Что подтолкнуло его влиться в беззаконную толпу бунтовщиков? И сколько таких было в расстрелянной толпе? Сотни? Тысячи? Это коллективное безумие!»

Подошли понурые солдаты:

– Ваше благородие, дозволите грузить?

– Знаете, кто это?

– Вроде с Путилова здесь были.

– Куда их?

– Из Александровской кареты прислали.

– Забирайте.

* * *

Шевцов подал рапорт об увольнении из армии. Штабс-капитан с безучастным лицом принял бумагу и молча отложил в сторону. Поднял глаза и произнес равнодушно:

– Вы свободны, господин подпоручик.

Обдумывая для себя иное поприще, Шевцов медленно возвращался на квартиру.

Вскоре его вызвали в штаб армии. Генерал-майор Георгий Рафаилович Ковалевский по-отечески отчитал молодого Шевцова.

– Мы ведь с вашим батюшкой еще в одном военном училище образовывались. Давние однокашники, так сказать. Потом в русско-турецкую бок о бок сражались. Боевое братство, знаете ли, превыше любви и карьеры. Тем более я самой жизнью отцу вашему обязан. Не будь он комиссован по тяжкому увечью, так и выше меня бы уже поднялся. А я между тем давно за вашим продвижением слежу. У вас большие перспективы, молодой человек. И высокая протекция вам не повредит. Позвольте осведомиться: отчего такое опрометчивое решение?

– Позвольте оставить при себе, господин генерал.

– Нет уж, благоволите объясниться. Ежели не считаете себя более связанными военной дисциплиной, то ответьте, по крайней мере, из уважения к старинному другу вашего батюшки.

– Георгий Рафаилович, вы пользуетесь запрещенными приемами…

– Если угодно. Жду ответа.

– Что ж. Не считаю возможным продолжать службу после убийства гражданских в Санкт-Петербурге.

– Вот как? Замечательный максимализм. А что вам, дозвольте поинтересоваться, известно об этом деле?

– Только то, что видел своими глазами.

– А подоплека вам, конечно, не известна?

– Подоплека не важна. Расстрел есть расстрел. При всем уважении, Георгий Рафаилович.

– И вы пренебрежете присягой?

– Присягал служить Его Величеству и России, верой и правдой. А не выступать беззаконным карателем.

– Попридержите язык, господин подпоручик! Крамольные и дерзкие речи ведете.

– Виноват, господин генерал-майор. Не имею власти отменить истину.

– Истину поминаете? Ну пусть, господин правдоискатель. Исключительно ради дружбы с вашим батюшкой просвещу вас, хоть и не вашего ума это дело.

Генерал от инфантерии достал газетные листы, продемонстрировал строптивому подпоручику:

– Вот публикация New York American, подписанная неким господином Горьким. Датированная, заметьте, 4 января 1905 года. Прошу ознакомиться. Статейка оповещает о грядущем кровопролитии в российской столице. Теперь далее. Вот статья другой американской газетки, издана 6 января, с предупреждением, что через 2 дня деспотическое российское самодержавие прольет кровь беззащитных безоружных рабочих и членов их семей. Подписано господином Милюковым. Теперь припомните: не наблюдали ли вы чего-нибудь особенного во время шествия?

Шевцов задумался.

– Несли хоругви и иконы. Но и красные флаги тоже. Стреляли с крыш. В толпе рабочих были замечены люди, направлявшие перемещение колонн.

– Так.

– Призывы к свержению династии и самодержавия – правда, единичные. Долго ждали извещения из штаба о дальнейших действиях. Потом приказ палить боевыми. Иные попадали на землю до начала стрельбы – потом отползли и скрылись в близлежащих улицах. Эти почти не пострадали. Остальные – как стадо баранов на убой – суматоха, хаотичная беготня, крики, бестолковщина.

– Теперь сопоставьте. Откуда взялись хоругви для запрещенного митрополитом выступления? Кто предоставил деньги на хорошо организованную подготовительную агитацию, включая противоправительственные земские петиции и откровенно революционные листовки и газеты, выпущенные немыслимым тиражом? И кто оплатил продуманные и спланированные стачки перед бунтовским походом, выдвинувшим, заметьте, не только экономические, но и политические безапелляционные и хамские требования? Кто составлял список этих четких требований в среде главным образом полуграмотных рабочих, вчерашних крестьян? Кто руководил организованными колоннами, ведомыми на смерть? И теперь основное: кому могло быть выгодно во время войны, в разгар боевых действий, обратить народный гнев на монарха и устои самодержавия – что, несомненно, предполагает измену?

Шевцов неуверенно спросил:

– Вы имеете в виду финансирование наших либералов и революционеров военным противником России и то, что волнения не случайны?

– Браво, молодой человек. Вы догадливы.

Генерал-майор понизил тон и оглянулся: крепко ли прикрыта массивная дверь.

– А теперь самое интригующее. Прошу не распространяться – сведения не для огласки. Получены из верных источников. Предварительное ослабление цензуры обеспечено министром внутренних дел господином Святополк-Мирским. Гапоновское «Сообщество русских фабрично-заводских рабочих города Санкт-Петербурга», скоро перешедшее от экономических к политическим требованиям, допущено при прямом попустительстве и даже потворстве Департамента полиции. После расстрела демонстрации смутьян-фанатик и организатор сообщества поп Гапон оставлен на свободе распоряжением градоначальника господина Фуллона. Непосредственный приказ о расстреле рабочих отдан начальником штаба войск гвардии генералом Мешетичем – Государь не был предварительно извещен. На сей счет инициировано расследование, но все уже свершилось. Вам о чем-нибудь говорит странное стечение всех этих фактов одновременно и в одном месте?

У Шевцова потемнело в глазах.

– Вы намекаете на возможную измену высокопоставленных лиц? Или на их некомпетентность?

– Упаси меня Господь кого-нибудь обвинять. Я просто перечислил очевидное. Но не исключено, что нам предстоит подставить Родине плечо, каждому на своем месте. А вы говорите – уйти со службы.

* * *

Дружн***о***й ехал с Валерием Шевцовым к его престарелому отцу. Из экономии молодые люди купили билеты 3 класса.

– Шевцов, ты объяснился с невестой?

– Валерия Леонидовна подулись и смилостивились.

– Так чем чело омрачено, о гений юный Петербурга!

– Да пошел бы ты…

– Вот те на! Или не рад помолвке?

– Оставь. Пустое. Лучше ответь: как ты можешь спокойно спать, есть, балагурить?

– Поясни.

– Тебе не снятся лужи крови?

– Зачем же. Их замыли.

– Будь ты на площади сам, испытывал бы иное.

– Валерий, ты не в меру впечатлителен. Жаль, конечно, погибших, но это уже случилось. И потом – надо было думать, знаешь ли, прежде чем в эдакую авантюру пускаться.

– Авантюру замыслил негодяй Гапон, в сговоре с политическими. Последних интересовала одна цель – расшатать ситуацию и обозлить рабочих. Они ее добились. Произошла трагедия.

– А рабочие что – марионетки? Вот ни с того ни с сего подхватились и построились?

– Нет, их не один год подготавливали: смущали агитацией о смене режима.

– И что, в результате этой агитации они внезапно помешались и отправились на явную и бессмысленную гибель?

– Нет. Не внезапно. Серж, мне не по себе. Это дух смуты, который странным образом сам себя питает и воспроизводит. Морок массового психического нездоровья, эпидемия помешательства. Способность критиковать улетучивается, разум помрачается, человек начинает жить и действовать в соответствии с какой-нибудь утопической и разрушительной идеей, свято в нее верит и ею руководствуется во всем, вплоть до разрыва отношений с родными, если те не разделяют его бредовых убеждений. Он готов бросаться на всех несогласных, словно бешеная собака. «Русский бунт, бессмысленный и беспощадный». И этот адский дух заразителен – вот в чем опасность. Эти люди не изолированы в сумасшедших домах, они разгуливают на свободе и заражают других. А мне не изобрести эликсира, чтобы излечить их.

– Знаешь, Валерий, не пора ли тебе самому у врача проконсультироваться? Ты меня беспокоишь.

– Перед глазами все один убитый… Весьма зрелых лет. Должно быть, дети остались. Сын, резвый школьник. Девочка какая-нибудь пузатенькая, с кукольными глазами и бантом в горошек. Мне бы хотелось разыскать их, помочь.

– Чем? Вернуть им отца никто не в силах. Или ты думаешь, они встретят тебя с распростертыми объятиями, когда ты сообщишь, как расстреливал главу их семейства? С радостью примут твои вспоможения?

– Вполне допускаю, что не примут. По крайней мере, совесть станет меньше тревожить.

Дружн***о***й пожал плечами, впрочем, сочувственно отнесшись к переживаниям товарища.

* * *

Друзья сошли на Варшавском вокзале в Гатчине и подозвали пролетку.

– Любезный, особняк отставного полковника Шевцова на Загвоздинской знаешь?

– Слыхал.

– Ты бы хоть тарантас свой в порядок привел.

– Да что толку… Подтаяло, вишь, жижа – враз все замызгает.

После теплого вагона легко одетые молодые люди мгновенно продрогли на сыром, пробирающем до костей ветру.

– А фартук куда дел? Того гляди руки-ноги отвалятся.

– Старый истрепался, новый не по карману… Да вон уж – добрались!

Пролетка застопорила у салатного цвета двухэтажного деревянного строения с башенкой. Шевцов слетел к родному крыльцу и, растирая ладони и неистово дыша на одеревенелые пальцы, принялся трезвонить в колокольчик у тяжелой двустворчатой двери.

– Аленушка, ну наконец-то – заморозила нас. Чаю согрей и неси не мешкая.

– Да, красотуля, беги со всех ног, – клацая зубами, прибавил иззябший Дружн***о***й, – Только в Питере случается этакая непостижимая погода: мало что морозно, еще и сырость доймет – застынешь до потрохов.

По лестнице спускался седовласый хозяин, безупречно причесанный, с явственной военной выправкой. Двигался он легко, несмотря на еле заметную хромоту:

– Приветствую, молодые люди! Здравствуй, сынок. Сергей Александрович? Давно не навещали.

– Позвольте засвидетельствовать мое почтение, Валерьян Валерьевич!

– Хорош! Молодцеват, подтянут – без изъянов! Скоро выпуск?

– Без пяти минут подпоручик!

– Прилежно занимаетесь?

– Имея перед глазами такой пример, как вы и наши наставники, не осмелился бы посрамить офицерскую преемственность!

– Ах, льстец… Всегда был услужлив. Постой же, в службу таких привычек не бери. Службу служить – душой не кривить.

– Слушаюсь, ваше высокородие!

– Валерий, вели товарищу не ломаться. По-простому, по-семейному. Голодны?

– Как февральские волки.

– Сейчас распоряжусь мясные кулебяки разогреть. Сергей Александрович, не возражаете, мы с Валерием ненадолго оставим вас, по канцелярской надобности.

– Разрешите пока библиотеку посмотреть?

– Извольте, сударь мой. Не скучайте.

Затворяя дверь кабинета, Валерьян Валерьевич взволнованно потер виски, размышляя, с чего бы начать. Валерий свободно раскинулся в отцовском кресле:

– Все анахоретом, папенька?

– Да ведь… К чему мне общество? Суета и прах земной, пустые пересуды. Я с утра почту разберу да дела улажу – усаживаюсь за военные мемуары. Мне и не скучно ничуть. Ты вот что, Валерий… Говорят, ты в отставку подавал?

– Отрапортовали уже…

– Не «отрапортовали», а радеют о несмышленой юности.

– Да все уладилось… Полно, отец, не тревожьтесь.

– Удивительное легкомыслие. Посуди сам: могу ли я не тревожиться, коль скоро ты задумал увольняться в гражданскую службу, да еще и в начале столь блестящей карьеры? И как же я тобой гордился, уверенный, что ты продолжишь нашу семейную традицию!

– Папенька, к чему вы клоните?

– К тому, что даже помыслы такие непозволительны.

– Этого не повторится. По крайней мере, пока не принудят меня совершать военные преступления.

– «Военные преступления»! И ты туда же! O tempora, o mores!

– Отчего такая аффектация? Вам это не свойственно.

– Да оттого, что устои государства д***о***лжно охранять от недоброжелателей, как зеницу ока. Для блага России.

– Все пекутся о благе России, но толкуют это благо по-своему.

– Вот то-то и оно. Развелось умников – и каждый почитает себя пророком, утверждая, что способен вершить судьбы Отечества. Презрев Богом данную власть, клевещут на помазанника Божия. Божий страх потеряли. Августейшую фамилию с грязью смешали! Не понимают, что Его Величество – последний оплот империи, костью стоит в горле иноземным завистникам. Заметь, Валерий! Либеральные дурни, как правило, в одну и ту же дуду дудят. Рубят сук, на котором посиживают, да песенки попевают. Взбесились. Власть им подавай. Гордец – он хуже лиходея. А наши заморские злопыхатели тому и рады, казну потратить готовы против российского самодержавия. Хочешь его сохранить – защищай, не щадя живота своего.

– Уважаю вашу позицию.

– Так не покинешь армейскую службу?

– Не покину.

– Вот спасибо, сын, вот утешил, – старик поцеловал Валерия в лоб, – а уж я для тебя расстараюсь деньжат припасти, знаю, что жалованье ваше – по молодому делу – грошовое.

И, сменив тон, ехидно полюбопытствовал:

– А что твоя невестушка?

– Однако… Вы упорно не желаете называть Валерию по имени. Вы относитесь к ней с предубеждением?

– Ты знаешь, я человек прямолинейный…

– И?

– Полагаю, что твоя суженая вроде изящной бонбоньерки с конфетами. Поднимешь крышку, – а там вместо шоколада леденец из тех, что продают россыпью.

– Чем же худ леденец?

– Зяблик соколу не пара.

– И кто же из нас двоих зяблик?

– Не ерепенься, к тебе не идет.

– Ну, допустим. Пусть – зяблик. Зачем же вы дали благословение на брак?

– Разве ты меня в ту пору послушал бы? Посмотрел бы на себя со стороны. Дышащий страстью дракон: сверкающий взор, восторженные речи, пламенеющий лик! Герой рыцарского романа, понимаешь ли, – не подступишься.

– Вы предсказываете роману грустный финал?

– Зачем… невеста – не жена, дозволено и разневеститься. По крайней мере мне претят чопорные девицы.

– На что вы меня толкаете, отец?

– Полно, Валюша, ты, разумеется, сам можешь свою судьбу решать. 22 года не шутка. Я в твоем возрасте – ого-го! – в русско-турецкую в атаки ходил. Твой выбор – тебе с ней и жить. Но, чур, не сетовать потом. Жениться легко – ужиться трудно… Прости, сынок, что наставляю.

И давай-ка в столовую: Алена, верно, ужин подала. А мне в храм Божий пора, не обессудь. А может, вместе?

– Нет, папенька.

– Мне Всенощной пропускать нельзя. Я же и в хоре, и старостой.

– Помолитесь за меня!

– Уж это непременно.

Отъезжая на следующий день, Дружн*о*й подмигнул товарищу:

– Смотрю, папаша твой того гляди в монахи подрядится.

Молодой Шевцов зыркнул острым взглядом:

– Кто дал вам право… Позвольте откланяться. Признателен за компанию.

– Что ты, Лера? Не сердись, братец. Уж я вперед дерзить не стану.

Шевцов не ответил, но лицо его смягчилось.

* * *

Подпоручик справился об убитых в морге Александровской больницы. В списке погибших его внимание привлекла фамилия Чернышов. Оказалось, что это мастер с Путиловского завода, 1850 года рождения. Осведомившись о месте жительства покойного, Шевцов отправился по полученному адресу.

На Первой Рождественской завернул в нужное парадное. Бесконечно долго поднимался на второй этаж; клацанье кованых сапог эхом отзывалось в лестничной винтовой спирали – или так ему чудилось? Переборов пакостный нутряной холодок, медленно приблизился к ровно покрашенной двери и постучал костяшками пальцев. Открыла несуразная прыщавая юница с печальными глазами, держащая на руках пышнощекую трехлетку.

– Вы к кому?

– Чернышов Николай Николаевич здесь проживал?

– Вы из жандармерии? Ваши сегодня приходили уже.

– Нет, я не из… Я по другому вопросу.

– Войдите, – посторонившись, пропустила офицера девочка, – Мама! Там опять насчет папы пришли.

Шевцов вошел в чистенькую кухню с большими солнечными окнами на улицу, украшенными ярким тюлем с рисунком из крупных георгинов. Жалко смотрелась на его фоне измученная бессонницей, с выплаканным блеклым лицом, нелепо и небрежно одетая женщина, сидящая на простом стуле. К ее коленям припал костлявый мальчонка пяти-шести лет, с подсохшими, грязными разводами от вспухшего носа к щекам. Его рыжие волосы торчали неопрятными клоками.

Шевцов собрался с духом:

– Вы вдова? Мои искренние соболезнования.

– Благодарствуйте. Вы знали моего мужа?

– В некотором роде – в момент гибели…

– Вы были там?

Шевцов замялся.

– Я был в оцеплении у Нарвских ворот.

– Вы стреляли?

– Отдавал приказание.

– Боже мой. Зачем вы здесь. Или вам мало того горя, что вы нам принесли?

– Я пришел просить прощения, сударыня. И если я только могу хоть чем-то быть полезен… Денежными средствами, либо помощью детям в получении образования…

Женщина взорвалась рыданиями. Пехотный подпоручик Шевцов поежился, чувствуя, что под мундиром покрывается гусиной кожей.

В дверях возник мрачный малокровный мальчик лет десяти – одиннадцати:

– Мама! Что?

Девочка, обхватив спину женщины, уговаривала с усталой безнадежностью:

– Мамочка, ну не надо, успокойся!

– Ой, Манечка, кровинушка… Скажи, чтобы господин офицер ушел.

Отрок полоснул обозленными глазами:

– Зачем маму тревожите? Что вам?

Шевцов поник головой:

– Конечно, я понимаю… Еще раз прошу прощения – если только возможно…

Он сконфуженно удалился.

– Господин офицер! Задержитесь, – на лестничный пролет выбежала долговязая юница, – мама сейчас не в себе… А нам еще жить… В посмертной пенсии для семьи папане отказано как участнику беспорядков… Передайте эти деньги мне.

– Непременно… Разумеется, – оживился Шевцов, поспешно извлекая портмоне. – И вот что: предоставьте мне возможность оказывать вам ежемесячное вспомоществование. Вплоть до совершеннолетия. Сколько вас у отца?

– Четверо. Еще сестра – три года, Варюшка. Поскребыш.

– То милое дитя, что было у вас на руках? Скажите, а вы случайно не состоите в родстве с…

– К графьям Чернышевым не имеем никакого отношения. Все спрашивают. У нас и фамилия иначе пишется.

* * *

В просторной столовой Валерия Леонидовна на правах хозяйки потчевала любезного гостя. Мать ее давно умерла, а отец так и не сумел утешить себя новым союзом, встретив ревнивое сопротивление единственной, боготворимой, своенравной дочери. Впрочем, позднее, перепоручив дитя Мариинскому обществу воспитания благородных девиц, он дозволил себе негласные отношения с незамужней дамой лет тридцати, навещая ее скромную квартирку в доходном доме.

Передавая Шевцову вазочку ароматного черешневого варенья, тонкокостная, рыжеволосая Лера в светло-лиловом поплиновом ниспадающем платье воодушевленно делилась только что прочитанными газетными новостями:

– Наше порочное самодержавие покрыло себя очередным позором – вы слыхали, Валерий?

– Что такое? Отчего столь нелицеприятная, можно даже сказать, жесткая характеристика?

– Как? Разве не преступление – цинично устроить кровавое побоище, расстреляв безоружный народ, включая женщин и детей!

– Ну… не такие они безоружные… И женщин с детьми зачинщики привели для своего прикрытия и для пущих жертв. А из отвлеченного понятия «народ» газетчики сотворили жертвенного агнца – и злоупотребляют им как только могут.

– Откуда вам известны такие подробности?

– Я имел несчастие находиться там, Лера.

– Как! Вы участвовали в расстреле рабочей демонстрации?

– Мы выполняли приказ, chreie.

– Mais vous devriez comprendre: c'est terrible! И именно – на святого Филиппа Московского!

– А что, если бы в другой день расстреляли, – было бы не так ужасно?

– Поразительное бессердечие.

– Дорогая, я стрелял в бунтовщиков.

– Et si vous etiez a faire fusiller nos servants? Ou bien les voisins?[2]

– Коль скоро присоединятся к террористам и возьмут в руки оружие – несомненно. Надо будет – не дрогну.

– Господин Шевцов, да вы – чудовище! – с ужасом в голосе воскликнула чувствительная молодая особа.

Шевцов прикусил губу, сдерживая себя. Он не терпел пафоса, тем более в отношении малознакомого собеседнице предмета. Наигранные эмоции Валерии прозвучали неискренно, впрочем, истеричные нотки в голосе девиц были вполне в духе времени.

[2] А если прикажут расстрелять нашу прислугу? Или соседей?

Глава 3
Начало разлада

В начале февраля, на фоне беспрестанных революционных брожений, охвативших центральные регионы Российской Империи, грянуло новое потрясение: убийство членом боевого подразделения эсеров Великого князя Сергея Александровича, недавнего московского генерал-губернатора. Шевцова это событие особенно расстроило: он был искренним почитателем Великой княгини Елизаветы Феодоровны, покорившей его воображение грациозной деликатной красотою. Супруга дяди царствующего монарха представлялась Шевцову воплощением целомудрия, благородства, женственности.

В противоположность идиллическим представлениям Валерия Валерьяновича, его личная семейная жизнь решительно не заладилась. Лерочка болезненно ревновала его ко всем окружающим особам женского пола, вплоть до прислуги. Неожиданно она настояла на том, чтобы рассчитать горничную Марию, но и новая служанка ее не устраивала. Валерия едва сдерживалась, перехватывая обращенные к Шевцову любопытствующие взоры, – и дома взрывалась отчаянным протестом, переходящим в обвинения. Объяснения на повышенных тонах происходили едва ли не ежедневно. Молодожены перестали появляться в свете. Шевцову трудно было объяснить товарищам причину своего удаления из общества. Патологическая ревность Валерии была тому причиной. Молодой супруг к тому же опасался, как бы их разногласия не стали предметом сплетен, по причине невоздержности жены. Привыкший к самоуважению Шевцов не мог принять уничижительных прозвищ, обильно даруемых Валерией Леонидовной. Его мужское достоинство было уязвлено необузданностью избалованной жены.

А Шевцов – увы! – и в самом деле нравился прекрасному полу. Валерий не интересничал и не рисовался, но умел расположить собеседника тонким чувством юмора и неожиданно вспыхивающей открытой улыбкой. Знал себе цену и большею частью добивался своего. Признавая должным вести здоровый образ жизни, не курил и редко потреблял горячительное. Молодой человек выработал отменный навык самодисциплины: прибывая в штаб округа больше чем на три дня, устанавливал себе необходимый минимум поддерживающих упражнений – и неукоснительно ему следовал. Работоспособный, увлеченный, решительный.

Женщины чутьем угадывали его надежность и твердость характера. Именно к нему первым делом обращались ищущие взоры девиц, солидные немолодые дамы спешили выразить ему симпатию. Но Шевцов не позволял себе злоупотреблять этим вниманием, хотя и принимал его как нечто привычное. Ему претила супружеская измена.

* * *

Валерия Леонидовна слыла поклонницей оперного «патриотического» репертуара. Шевцов, угождая супруге, организовал выезд в императорский Михайловский театр, где передвижная труппа Мариинского давала «Садко» Римского-Корсакова. Пара с приличествующей случаю неторопливостью расположилась в партере, неподалеку от сцены.

Валерия Леонидовна в бордовом туалете, в шляпке и перчатках цвета «пепел розы» – смотрелась выше всяческих похвал. В антракте молодая женщина с досадою обнаружила, что многие театральные лорнеты обращены непосредственно на их персоны. Болезненно раздутая, нездоровая фантазия Валерии неизменно приписывала повышенное внимание публики интересом к особе Валерия Валерьяновича.

Случилось это и теперь. Полная драматического негодования, госпожа Шевцова, не дожидаясь второго акта, решительно направилась к выходу. Недоумевающий Шевцов, предположивший приступ мигрени, озабоченно последовал за ней. В экипаже Валерия Леонидовна вместо вразумительных объяснений издала нечленораздельное шипение раненой рыси и до

самого дома восседала в величественном расстройстве духа, демонстративно отодвинувшись и отвернув от мужа гневное, пошедшее малиновыми пятнами лицо.

Нетерпеливо ворвавшись в квартиру, оттеснив опешившую прислугу и яростно сорвав креповый шарфик, Валерия Леонидовна вскипела обвинительной речью, сопроводив ее обильными слезами об утраченной, незаслуженно погубленной молодости, проливая их на ни в чем не повинное платье.

– Какою я была недалекой, доверившись тебе!

Обескураженный Шевцов поначалу пытался успокоить жену, но не зная, чем еще оправдаться, уже всерьез помышлял о неотложной консультации у господина Бехтерева.

– Панкратий! Подай вишневых капель с валерьянкою.

– Не нужно! Не этого мне нужно – а супружеской приверженности! Неужели так сложно понять?

– Лера, я не виноват в том, что смотрят.

– Неправда, ты подаешь повод!

– Какой именно?

– Тебе виднее! Дыма без огня не бывает.

– Прошу, опомнись, ты не в себе!

– Считай, как тебе угодно! – Лерин голос взвился скворчиною трелью.

Валерий Валерьянович поморщился и устало потер виски:

– Нонсенс какой-то…

Не дожидаясь ставших обычными обвинительных оскорблений, он сдернул в прихожей фуражку и раздраженно хлопнул дверью.

Понадеявшись, что разлука поможет охладить накал страстей, Шевцов перебрался к Дружн*о*му.

* * *

Молодые люди отъехали от станции в высланной им навстречу подводе, укрывшись от вечерней июньской свежести простыми чуйками: помещик Дружн*о*й, отец Сергея Александрыча, был домовит да рачителен, не раскидывал деньги попусту и обходился без роскоши (не в пример сыну – любимчику и баловню Сержу).

Достигнув деревянного господского дома, с колоннами и выцветшей верандою, молодой Дружн*о*й выскочил навстречу дородному человеку с уютным брюшком и куцею бородкой, разверзшему при виде долгожданного отпрыска широкие объятия.

– Сереженька, дуся, забыл родимое гнездо?

– Папенька, только о вас и помышлял! Но… труба зовет, литавра кличет – сам знаешь, превратности государевой службы.

– Ох вы гой еси, ратнички служивые-головенки вшивые. И точно, велики должны быть тяготы вашей службы: как раз на прошлой неделе получил долговые расписки на оплату экипажа и съемной квартиры.

– Папенька, не раз говорено о надобностях молодого офицера… нельзя ли не при госте объясняться? Позволь представить – Валерий Валерьяныч Шевцов, товарищ по училищу… Да я тебе о нем писал.

– Милости просим, господин хороший, уж Алевтина Ивановна стол накрыла.

Шевцову все обрадовались. Прекрасно образованная, моложавая и миловидная мать Сержа была сама учтивость. Поговорили о любимой Валерием поэзии, о достоинствах городской и сельской жизни. Но когда Алевтина Ивановна затронула докатившиеся и до их усадьбы отголоски анекдотов о государевой супруге, Шевцов заскучал – беседа угасла лампадою без масла.

После сытного ужина с обильным возлиянием «для пищеварения» друзья пошли прогуляться по саду. Заглянув в окружающие дом беседки с резными перилами и претензией на античность, Валерий заметил обгоревшие стены с закопченной местами крышей, недавно наспех выбеленные и не везде успевшие просохнуть.

– Что это, Серж – вы горели? По недосмотру?

– Черта с два. Крестьяне три недели назад усадьбу подожгли.

– ???

– Не удивляйся. У нас крупное имение: 30 тысяч десятин земли. Так еще прадеду за заслуги пожаловано. Угодья отличные. Тучные луга; в лесу – отменная охота. Хлеб родится – молотить не успевают. Лучшая земля в округе! Вот лапотникам и завидно. Они у нас земли арендуют, и вздумалось им, что арендная плата высока и что за выпас скота переплачивают. Агитаторы городские поработали. «Эксплуататоры», – говорят. Подлецы непоротые.

– А что, Серж, как по деревням проезжали – избенки утлые, а народишко обтрепанный, в лаптях ходит. Не шибко-то богато.

– Шевцов, и ты туда же?

– Ну, хорошо, а что ваш водочный завод?

– Сожгли, мерзавцы! Мы потеряли часть дохода, когда еще восстановят.

– Нашли поджигателей?

– Разве разбойники своих выдадут? Приехал урядник с казаками – кого встретили, всех подряд похватали.

– И что ж, помогло?

– Шевцов, ты как вчера на свет появился. Да разве у вас не шалят?

– Хороши «шалости». Нет, до поджогов у нас, слава Богу, не доходило. Зато воруют. Прошлым летом изрядный урожай пшеницы вышел. Осенью обмолотить не успели, до зимы оставили – и что ты думаешь: крестьяне самовольно несколько скирд вывезли. Заливные луга по краю выкосили. У нас, впрочем, довольно зажиточное село старообрядцев-единоверцев неподалеку: надежные поселяне, «баловников» урезонивают. Хотя нас больше управляющий обирает. Сколько раз говорил, чтоб гнали его в шею. Отец всегда был доверчив, хорошо еще средства в семье есть.

– Смотри, солдатка идет. Я тебе рассказывал. Настоящая Матрешка, даром что Матрена. Пойдем попытаем счастья?

– П***о***лно, Дружн***о***й, еще, пожалуй, поимеешь «капель из носу». Двинем лучше спать, и так припозднились.

– Кисель ты, Лера. На том свете отоспишься.

– Просто у нас разный циркадный ритм. Я предпочитаю вставать рано. Mens sana in corpore sano.

Глава 4
Откровения древности

«В 597 году в реке Свейл принял крещение вместе с 10 000 его подданных властитель англосаксонского королевства Кент Этельберт. Крещение совершил миссионер святой Августин. В 681 году Английская церковь выступила в поддержку шести Вселенских Соборов… Таким образом, в I тысячелетии Британские острова и Ирландия были поистине землей Православных святых… В 1054 году произошел раскол, Римская Церковь отделилась от Церкви Вселенской. А в 1066 г. норманны-католики завоевали Англию, покорив ее Папе Римскому. Веком позже была завоевана Ирландия. Так эти страны из Православных стран стали католическими…[3] – в семейной библиотеке Дружн***ы***х Шевцов обнаружил любопытное издание по истории православия в древней Англии.

Валерий охотно погрузился в чтение. На него повеяло ржаным книжным запахом. В воображении замелькали просевшие, обложенные дерном могильные холмики; схороненные во мхах валуны меж опутанных вислым лишайником дремучих елей; ароматные тимьяновые выпасы полудиких белогрудых овец; буйные заросли суровой крапивы вдоль крестьянских проселков, обрамленных гигантскими одуванчиками, над которыми из века в век весело порхают маленькие рыжегрудые зарянки, схожие с яркими рождественскими фонариками.

«Благоверный король Эдгар, прозванный Миролюбивым, счастливо правил Англией с 957 по 975 год. Сей венценосец, подобно своему знаменитому прадеду – королю Альфреду Великому, оставил по себе память как о монархе, верой и правдой служившем Богу и своему народу. При нем Англия достигла не только прочного положения среди других европейских держав, но узнала дни настоящего благоденствия. Страна все более утверждалась в единстве нации, и народ, имея такого короля, как Эдгар, уверенно смотрел в свое ближайшее будущее»[4].

Молодой офицер встрепенулся: сказ о короле Эдгаре вызвал в его представлении живые ассоциации с покойным Государем императором Александром III Миротворцем. Это было удивительно. Валерий продолжил знакомство с древней повестью:

«При короле Эдгаре Англия все более укреплялась в Православии, благодаря покровительству короля и внедрению монашеского общежития по уставу преподобного Бенедикта Нурсийского, известного устроителя монашеской жизни»[5].

У Шевцова поневоле стали смежаться веки – и он провалился в сон. Его последней осмысленной мыслью было: «Надо бы у Александра Мартьяновича книгу одолжить…». Что он по пробуждении и сделал. Старший Дружн***о***й ответил с горячностью: «Что вы, милостивый государь, забирайте вовсе, у нас эдакую головоломную книжицу никто и в руки не возьмет. И как она у нас очутилась, не поймешь. Должно быть, сестрица Алевтины Ивановны за ненадобностью передала». Шевцов с благодарностью принял подарок.

---

[3] По книгам протоиерея Александра Шабанова «Святой Патрик, епископ и Просветитель Ирландии» и Владимира Мосса «Крушение православия в Англии».

[4] Там же.

[5] По книгам протоиерея Александра Шабанова «Святой Патрик, епископ и Просветитель Ирландии» и Владимира Мосса «Крушение православия в Англии».

Глава 5
О Символе Веры в действии

Наутро молодые офицеры отправились проведать кузину Сержа, дочь его тетки Ульяну Вениаминовну, в простоте называемую родными Жюли.

Девушка оказалась розовощекой резвой крепышкой и отличалась твердыми прогрессивными взглядами. Весьма политизированная особа, она, в противовес родителям, благоразумным приверженцам самодержавия, стоявшего на страже их векового благоденствия, была поборницей радикальных перемен в государстве. По ветрености, барышня не ценила своего положения дочери богатых родителей и, рисуясь перед молодыми людьми, даже намекнула на тайные связи с революционерами.

«Тайные связи», как вскоре выяснилось, заключались в знакомстве с давнишним вольнодумным приятелем, примкнувшим к эсерам.

В беседе с офицерами Жюли между строк упомянула, что между молодым эсером и ею установилась не только политическая связь. Девушка в старомодных рюшах томилась пустотой бытия и отчаянно стеснялась своей девственности, потому и возводила на себя напраслину. Непорочность была не в моде – ее порицали. Веяния Северной Пальмиры достигали и помещичьих отпрысков. Девица рисовалась и, очевидно, кокетничала с Валерием Валерьяновичем, изо всех сил изображая «самостоятельную, свободную от предрассудков» натуру.

Прогуливаясь с молодыми людьми по урезанным земельной распродажей владениям, она приметила, что Шевцов, сняв фуражку, набожно перекрестился на звучавший за холмом благовест. Фыркнув, девица высказала мнение: от чудного душки Шевцова никак нельзя было ожидать такого жеста.

– Что же вас, собственно, удивляет, Ульяна Вениаминовна? – безучастно отозвался Валерий.

– Самообольщение пережитками прошлого, Валерий Валерьянович. Разве не религия стала для многострадального народа ловушкой, а для царизма – громоотводом, позволившим ему держаться веками?

– Ульяна Вениаминовна, предпочту не углубляться в эту дискуссию – послушаем-ка лучше соловьев, – дипломатично заметил Шевцов, угадывая непригодную для проповеди Евангелия почву и памятуя завет «не мечите бисера». Дружн*о*й вмешался:

– Да и я, откровенно говоря, тоже удивляюсь приверженности Валерия к обрядам. Ведь он у нас еще и постом говеет.

– Серж, остановись, – приказал Валерий Валерьянович, умевший положить предел нежелательному развитию беседы. – Я, конечно, не против потолковать с тобой о Священном Писании, но всему свое время и место. Право, не сейчас.

– В самом деле, Валерий Валерьянович, – искренне изумилась собеседница, – а я, знаете ли, давно уже обряды не соблюдаю. В детстве, представьте себе, – продолжила она, немного стесняясь, – у меня случился экстатический религиозный порыв. В церкви, куда меня бабушка водила, после блистательной проповеди нашего архимандрита Исидора. Он так проникновенно вещал с амвона о любви к ближнему и следовании Христу. Прямо сердце мне зажег! И я, воображая себя Марией Магдалиной, пробралась к дому священника, чтобы хоть издали еще раз взглянуть на сего замечательного апостола и усилить пользу от его поучения. И что же? Заглядываю через окно – и застаю его за ужином, а на столе – отменный румяный поросенок. Великим Постом! Каково лицемерие! С тех пор я в церковь ни ногой. И не говорите мне об этом больше! – девица нервически вздрогнула.

С непритворным участием и мгновенным раскаянием за поспешную оценку Валерий Валерьянович глянул на разом ставшее ему симпатичным, расстроенное лицо. Голос молодого человека приобрел невольную задушевность:

– Ульяна Вениаминовна, дорогая, да ведь немало же и настоящих, добрых пастырей. Вы, должно быть, слыхали про протоиерея Иоанна Сергиева, настоятеля Андреевского собора в Кронштадте. Мне доводилось бывать на его пламенных литургиях – незабываемо. И мало того, что он так горит верою, что и на общих исповедях паства вслух кается и плачет, так он и всей своей жизнью изъявляет преданность христианским идеалам. Он основал Дом Трудолюбия, женскую богадельню, школу для неимущих, детский приют и остался их попечителем. Вот пример того, как неуклонное стояние в вере одного человека меняет жизнь целого города. Ведь Кронштадт в нравственном смысле был до его прибытия духовной пустыней, если можно так выразиться: мздоимство, пьянство, воровство с разбоем, внебрачные связи со всеми последствиями. Одним словом, мерзость запустения и глухая безнадежность.

– Да в том-то и дело, Лера, что таких, как он, – капля в море по отношению к океану хладнокровных карьеристов и фарисеев, – не выдержал Дружн*о*й. – У нас нынче вся страна – духовная пустыня, пользуясь твоим же выражением. И ты сам, вместе с твоим отцом Иоанном, – попросту вымирающие мамонты.

– Нет. Таких много… И к тому же, пусть хоть один останется – даже один в поле воин, – упорствовал Шевцов.

И каждый был по-своему прав.

Глава 6
На краю Империи

Рассерженный господин Колесников, полноватый обладатель модной курчавой бородки, не заставив долго ждать, вызвал Шевцова для объяснения:

– Валерий Валерьянович, не доверил ли я вашей непосредственной опеке свою единственную дочь? Не давали ли вы клятву у Святого Престола о супружеской верности в богатстве и бедности, радости и печали, здравии и болезни?

– Леонид Дмитриевич, причем тут это? Валерия Леонидовна, очевидно, пребывает в нервном расстройстве. Ей надо обратиться к специалистам.

– А по мне, так это вам следует безотлагательно направиться в духовную лечебницу – на исповедь. И позаботиться о перемене нравственных устоев.

– Я регулярно там бываю, господин Колесников. Это дело мое и Господа Бога. Посредников не требуется, благодарю.

– Вы увиливаете от темы. Я осведомлен: вы нечестны по отношению к Валерии.

– Это вам Валерия Леонидовна доложила?

– Не имею оснований не доверять дочери. Немедленно езжайте к ней с извинениями и наладьте, наконец, законную семейную жизнь.

– Господин Колесников… у женщин я еще прощения не просил.

– Да вы раб предрассудков, батенька. Нынче другие времена. XX век наступил.

– Времена всегда одинаковые. Выдумали «эмансипацию». На каких доводах она основана? Женщины за нас замуж выходят, а не мы за них.

– Валерий Валерьянович, позвольте напомнить до смешного банальный нюанс: Валерия Леонидовна не посторонняя вам женщина, а ваша жена.

– Ну, раз жена, так пусть и ведет себя как жена. Кто надоумил ее, во-первых, соваться в политику и вещать с видом эксперта несусветные глупости. А во-вторых, дерзить, требуя веры в ее миражи, и при этом возвышать голос до рвущего перепонки дисканта. И оскорбления в адрес мужа – ей не к лицу.

– Однако же Валерия Леонидовна глубоко уязвлена… Вы не боитесь потерять ее?

– Ничего похожего. У меня нет ни тени сомнения, что она образумится. Прежде она была зависима от вас, теперь от меня.

– Господин Шевцов, вы неимоверно черствый и бессердечный гордец!

Шевцов пришпилил язык к нёбу, видимо сдерживаясь в присутствии тестя.

– Имеете что-нибудь изложить по сути? Нет? Всего доброго.

Шевцов четко поклонился и крутанулся на каблуках.

* * *

Не желая потворствовать Лериным капризам, Шевцов подал прошение на перевод в Закаспийскую область и вскоре получил назначение в отряд Кушкинской бригады на российско-афганской границе. Он и не думал ехать на поклон к Валерии Леонидовне, а через третьих лиц оповестил супругу и тестя о грядущем распределении.

Сергей Дружн*о*й тяжело переживал отъезд близкого товарища:

– Одно утешительно: дальше Кушки не пошлют, меньше взвода не дадут, – невесело шутил он, – пообещал бы писать, да небось почта в эту гиблую даль не доходит.

Собирался Шевцов недолго: уладив дела в Петербурге, попрощался с отцом и, не дожидаясь ответа жены, отправился в дорогу.

* * *

Приехав через полторы недели в Красноводск, Шевцов пересел на местную секретную узкоколейку, проложенную до пограничного форта Кушка. Монотонный, унылый пейзаж его удручал. Со всех сторон – гряды однообразных песчаных сопок, на склонах которых время от времени попадались на глаза худосочные кусты саксаула. Ложбины у их подножья скудно выстланы чахоточной растительностью и разбросанной пятнами жухлой травой. Добравшись до крепости, Шевцов, помимо умученных пеклом, нервически всхрапывающих кавалерийских лошадей и невзрачных терпеливых мулов, приметил на ее дворе невозмутимых верблюдов, каждый с бочкообразным, раздутым брюхом и до нелепости худыми, мосластыми ногами.

Доложив о прибытии, Шевцов первым делом отправился в казарму. Угрюмое кирпичное здание, судя по остаткам краски когда-то бодрого терракотового цвета, теперь, под пелесым налетом песка и пыли, выглядело удручающе усталым. Внутри было сумрачно: и без того небольшие оконца сплошь завешены пропыленными противомоскитными пологами. Пакостная охряная пыль казалась вездесущей, покрывая все – от стен до простыней.

В жилой комнате Шевцов обнаружил человека с сероватым оттенком лица и без отличительных знаков на мундире. Мучимый колотившей его дрожью, тот едва отреагировал на уставное приветствие Шевцова.

– После, благородие, после! В лазарет я…

Шевцов озадаченно оглянулся: с угловой койки ему отсалютовал с вялой небрежностью господин в расстегнутом офицерском мундире и несвежей гимнастерке:

– Новоприбывший? Полно козырять, здесь формальности соблюдать не принято.

– Прошу прощения… Вы сказали – «формальности»?

– Скоро обживешься. Привыкнешь к местным порядкам. Духота, братец ты мой, невыносимый зной! И пылища… А ты покрывальце-то не убирай: ночью натурально закостенеешь. Здесь к осени температурные перепады. Я уже второй год привыкнуть не могу. Кошмарный климат. В голове не укладывается, как эти сарыки сумели здесь приспособиться.

– С климатом все ясно. Разрешите спросить: отчего военнослужащий в лазарет направился?

– Малярия, – бросил незнакомый офицер, словно речь шла о чем-то обыденном, – он в Гиссаре в рабстве у бека побывал, там этого злосчастия хоть отбавляй. Как тебя именовать прикажешь?

– Подпоручик Шевцов. Валерий Валерьянович.

– Отрекомендуюсь: поручик Алексей Васильич Нечаев. Можно неофициально, запросто, по фамилии. Поди отдохни пока. В любую минуту могут поднять по тревоге.

* * *

Ночью Шевцову действительно довелось испытать нестерпимый холод: жгучий зной сменился стужей, от которой зуб на зуб не попадал. Господин подпоручик, поднявшись, нащупал в темноте форменную куртку-фуфайку и сверху накинул одеялишко. Этого оказалось мало, поэтому он набросил еще и плащ. Только задремал – раздалось пронзительное:

– Тревога!

Все здесь спали с оружием под рукой. В суматохе Шевцов выскочил из казармы: черную утробу неба пронзила осветительная ракета. Потом еще одна. Тонкими лучами кромсал недружественную мглу суетливый прожектор.

Скоро обнаружили причину переполоха. Как впоследствии объяснили Валерию новые сослуживцы, афганские кочевые наемники, отправившись на ночную охоту, вознамерились

перерезать одиночных часовых, выставленных по периметру крепости. Целью лазутчиков были головы российских солдат: британские советники давали за них немалое денежное вознаграждение. Также они не прочь были поживиться и оружием. Но бесшумно прокрасться в форт разбойникам не удалось. Он был укреплен наилучшим образом; да и часовые бдели на постах.

Разъяренный дерзостью вылазки, капитан отдал приказ преследовать врага по горячим следам, даром что ни зги не видно. Поди сыщи крота в норе.

Русские выдвинулись из крепости рассыпным строем. По-видимому, их поджидали. Завязался рукопашный бой. Разглядев в огненных сполохах светлую паколь[6] и сверкающее белками глаз, смуглое лицо, Шевцов прицелился. Он неплохо стрелял: паколь полетела наземь. Револьвер у него тут же выбили. Чьи-то мощные руки попытались сзади добраться до горла. Перед лицом мелькнул клинок. Остановив смертоносный рывок, Шевцов с трудом выдавил из широкого запястья кинжал и повалил врага на землю, а сам сразу же откатился, опасаясь удара острым лезвием в незащищенную спину. Вовремя подоспевший унтер остервенело ткнул штыком в поджарый живот. Ограненная сталь пропорола тело до позвоночника – нападающий с душераздирающим воем задергал конечностями, как дрыгающая лапами обезглавленная лабораторная лягушка.

– Берегись! – успел крикнуть Нечаев, кидаясь на спину Шевцову, прикрывая от выстрела.

Сухой щелчок браунинга – и Нечаев осел, коротко простонав.

Шевцов кинулся в ноги стрелявшему, рванув их к себе и навзничь опрокинул противника. А потом в исступлении душил туземца, не помышляя более об опасности со спины.

Отбившись, при свете факелов подбирали раненых и оружие.

Наутро Шевцов справился о семье погибшего. Молча переписал адрес.

«Недолго длилось наше знакомство. А ведь я тебе жизнью обязан, брат Алеша», – прошептал Валерий, опустившись на корточки у тела поручика.

В тот же день его вызвали к капитану:

– Поручик Нечаев выбыл из строя. Принимайте второй и третий взводы. И еще: прибыл из России старший унтер-офицер Стрельцов. Определите в третий взвод… А в ночной вылазке вы выказали себя превосходно, поздравляю…

У штаб-квартиры начальника гарнизона с баулом, в походной шинели стоял молодой человек.

Он четко отдал честь:

– Разрешите обратиться, ваше благородие! Старший унтер-офицер Стрельцов, прибыл в ваше распоряжение.

Шевцов устало махнул рукой:

– Отставить. Здесь не приняты формальности. Как, брат, тебя зовут?

* * *

Валерий не сразу притерпелся к отсутствию ванной комнаты, клозета со сливом и свежего белья. Со временем он наловчился потреблять минимальное количество воды в сутки, наскоро простирывать исподнее, спать невпопад и наспех ходить до ветру. Одного не мог принять: нерегулярного бритья. Страшно было опуститься.

– Господин Шевцов, не подадите стакан? – обратился штабс-капитан Ворохов, – Полный, разумеется. В жизни не думал, что доведется глотать эдакую гадость – гретую водку. Вот что: плесните лучше в чай. Так бойчее пойдет. Все штудируете ваши книжки? Заучиваете, что ли? Какой бабайский теперь перенимаете – тюрки? Ах, фарси? Не мутит еще? От всего, батенька, от всего.

[6] Паколь – афганская шапка.

– А что это изменит?

– То-то и оно. А скажите, Шевцов, отчего все пять наличных представительниц женского пола – повариха, прачка и медсестра с санитарками – глазки вам строят? Вы словом заветным владеете? Поделитесь.

– Никак нет. Не поделюсь.

– Скопидомничате? От боевых товарищей утаиваете? На что вам столько?

– Побойтесь Бога, господин штабс-капитан: я женат.

– Мы все женаты. Здесь это почти не в счет.

– Вспомнил: заговор знаю. Но слова позабыл.

– Так я и думал.

– Вы лучше разъясните, господин штабс-капитан: вчера часовые донесли, что обнаружили группу туземцев с верблюдами, нарушителей границы. Перемещались по нашей территории. Их не задержали.

– Ну и?

– А как же неприкосновенность границы? Ведь там, должно быть, контрабанда?

– Вы еще очень наивны, Шевцов. Туркменские и афганские племена шастают туда-сюда, как им вздумается. Разве уследишь? Мы здесь исключительно для противостояния крупным афгано-британским походам. Застолбить территорию, так сказать. Вы еще новичок, а многие из нас в Русско-японской отметились. Вон господин Калугин и в японском плену побывал. Правда, Калугин?

Офицеры помолчали.

– А позвольте поинтересоваться, Калугин: правда ли, что у японцев вас засыпали революционными газетами и агитировали за свержение самодержавия? Вербовали на японского доносчика?

Господин Калугин молча пожевал губами, отведя глаза.

Штабс-капитан Ворохов почесал спину о лафет:

– Мы здесь, почитай, все ссыльные – за политическую неблагонадежность. А вы здесь зачем, Шевцов?

– Будем считать, в добровольной ссылке.

– Любовная история? Смерти ищете?

– Господа, тревожные новости! – отрывая голову от свежеприсланной газеты, взволнованно заговорил поручик Вишневский, – в Москве совершена попытка революционного переворота! Строят баррикады, есть вооруженные столкновения.

Офицеры, подскочив, сгрудились над газетой.

– Вот черт! А мы торчим на окраине Вселенной!

От ворот крепости со всех ног бежал солдат в побелевшей от просохшего пота гимнастерке:

– Разрешите обратиться, ваше высокоблагородие! Атакован пограничный кавалерийский разъезд!

– Кто?!

– Похоже, афганская конница.

– Не к добру британские советники в форт наведывались. Господа, поднимайте взводы! – закричал капитан, – Где чертовы артиллеристы? Савельев – бегом в капонир!

* * *

На несколько дней подряд гарнизон безвылазно засел в казармах: наружу невозможно было и носу показать, даже по нужде. С верховьев Аму-Дарьи добрался до Кушки кара-буран, безжалостная песочная буря, именуемая в народе «афганцем». Учения прекратили, сняли

часовых, загнали вьючный скот в укрытия, запаслись водой. Песчаная дрянь набивалась во всевозможные щели, в орудия, в глаза и под воротники выскакивающих на минуту людей. Покидая казарму, покрывали платками лица и обвязывались канатами. Шквальными порывами вихрь испытывал на прочность стены и кровли; заунывным воем ветра – нервы людей, неизвестно зачем поселившихся в Богом забытой местности на окраине Российской Империи. Солдаты и офицеры изнывали от безделья – чистили оружие, чинили шинели и мундиры, выводили вшей, писали письма, вольнодумничали, перемывая кости правительству, с хрустом давили наползающих пауков и бесконечно валялись в кроватях. Старшие и младшие чины часами паслись в офицерской, дуясь в карты и упражняясь в шахматах. Питались сухим пайком. Воду использовали строго по необходимости.

Шевцов, хоть и не был любителем эпистолярного жанра, со скуки отписал всем членам семьи, начиная с папеньки и включая сестер Софию и Анну, которые, будучи замужем, жили в Санкт-Петербурге и в Москве. Истощив воображение, Валерий черкнул пару незатейливых фраз и Дружн***о***му.

После некоторого колебания написал и жене, с надеждой на примирение. Издалека недоразумения кажутся тленом и прахом, сущими пустяками; на расстоянии легче наладить мосты и протянуть друг другу руки.

Когда список адресатов иссяк, Шевцов завел дневник и писал в него ежедневно, напрягая глаза в слабом свете вонючей керосинки. Заставшие за этим занятием товарищи подняли его на смех:

– Полагаете, найдется болван, которому вздумается узнать о нашей полной любопытных происшествий жизни в Тмутаракани?

Шевцов отшутился и продолжал свое занятие.

* * *

Господин поручик не любил праздности; вернее, он ее не понимал – отчасти по причине энергичной натуры. Вынужденное заключение скоро стало пыткою. Пользуясь случаем, он решил избавиться от ненужных предметов, устаревших и нежеланных обитателей чемоданного чрева. Среди ненужного хлама вдруг явился томик по ранней истории Англии.

Валерий Валерьянович возобновил чтение, начатое когда-то в доме Дружн***ы***х. При этом он недоумевал: отчего случилось так надолго оставить изучение редкого текста, нешуточно его увлекшего:

«По кончине благоверного короля Эдгара, по праву преемственности был коронован его 12-летний сын Эдуард. Его ближайшим советником стал благочестивый Дунстан, архиепископ Кентерберийский, короновавший юного правителя. Внедрение монашеского общежительного устройства по восточному уставу Бенедикта Нурсийского, начатое при короле Эдгаре, было продолжено.

Нововведение не всем пришлось по вкусу; у короля-отрока возникла оппозиция из числа богатой аристократии, обогащавшейся за счет церкви. Вдохновительницей заговорщиков стала Эльфреда, мачеха юного Эдуарда. Вдова короля Эдгара прочила на престол своего собственного сына, 11-летнего Этельреда, сводного брата Эдуарда.

…В 979 году молодой король Эдуард, доверчивый и чистый сердцем отрок, был зазван в замок Корф, принадлежащей Эльфреде. Там его вероломно ранили ножом в грудь, а бросившаяся прочь лошадь короля проволокла страстотерпца по земле, поскольку нога его запуталась в стременах.

По приказу Эльфреды царственный юноша был похоронен в маленькой церквушке Уорхема, в нескольких милях от коварного замка Корф, без должных почестей и проводов.

Вся Англия промолчала… Никто не был привлечен к суду за содеянное предательское убийство.

…После мученической кончины юного короля архиепископ Дунстан Кентерберийский предрек пагубу стране, пролившей кровь Помазанника Божия». Ибо возвещал Господь через пророка:*

Не прикасайтеся Помазанным моим и во пророцех моих не лукавнуйте.

(Пс. 104:15)

…Дни старой славной Англии были уже почти сочтены, и убийство короля Эдуарда, быть может, явилось тайной пружиной, роковым образом изменившей судьбы этой страны».

…В 981 году святитель Дунстан добился перенесения честных останков страстотерпца, убиенного короля-отрока, в монастырь Шрусбери, основанный некогда прапрадедом Эдуарда, королем Англии Альфредом Великим. Минуло два года со дня убийства, но такой огромной процессии, которая сопровождала новое погребение Эдуарда, Англия еще не видела.

…Преданный своими слугами на земле, король-отрок Эдуард приобрел своей любовью к Церкви Божией и собственной кровью благоволение в очах Господних. Чудеса на его могиле, как повествуют предания, начались в первую же ночь после его злодейского убийства. Старая слепая женщина, в чьей убогой лачуге ожидало погребения тело Эдуарда, внезапно обрела зрение! Вскоре неподалеку от первой могилы короля-мученика забил из-под земли цельбоносный источник, к которому начались первые паломничества. Почитание короля-мученика в чем-то напоминает почитание русских князей-страстотерпцев Бориса и Глеба.

…Когда тело Эдуарда перенесено было в Шрусбери, началось его всенародное почитание – столь обширное, что двадцать лет спустя, в 1001 г., король Этельред приказал изготовить для честных мощей своего сводного брата новую драгоценную раку. Паломники прибывали для поклонения страстотерпцу даже с континента. А еще через семь лет, в 1008 году, Альфегий, новый Кентерберийский архиепископ и будущий священномученик, от имени английской церкви официально причислил Эдуарда к лику святых. Монастырь, где упокоились его св. мощи, стал со временем известен как Аббатство Святого Эдуарда и просуществовал вплоть до начала Реформации в Англии в XVI веке. Среди многих христианских народов святой почитался в течение нескольких столетий»[7]…

С тех пор заинтригованный Шевцов пользовался всякой возможностью вернуться к знакомству с примечательным историческим периодом.

[7] По книге протоиерея Александра Шабанова «Святой Патрик, епископ и Просветитель Ирландии».

Глава 7
Супружеские противоречия

В августе 1906-го Шевцов получил разрешение на побывку домой. Что ни говори, приятно было вернуться в человеческие условия.

Он представлял себя бредущим по безлюдной Петербургской набережной, едва подсвеченной бликами восходящего солнца, мало-помалу вливающего красное бордоское вино в невские блеклые струи ранним, по-северному зябким, осторожным августовским рассветом.

Шевцов надеялся, что разлука сгладила супружеские противоречия, отодвинула ссоры. Намеревался повидать отца и сестру Софью с супругом, потетешкать племянников. Всем он вез заранее купленные в Красноводске и Чарджоу восточные гостинцы.

* * *

Но сначала Валерий отправился с печальной миссией в Тверь. Прибыв в город, он с трудом разобрал на истертой бумажке адрес. На вокзале толпились горожане, одетые по большей части претенциозно и безвкусно по моде двадцатилетней давности. В хлопотливой толпе штатских Шевцов ощутил себя иноземцем, далеким от этой будничной жизни. С неосознанной жалостью к себе разглядывал вроде бы озабоченные, но вместе с тем такие беспечные лица. Покрикивали грубоватые извозчики, куда-то спешили деловитые мещане, призывно позванивали кружками сборщики денег на погорелые храмы, выхаживали с запашистыми, исторгающими слюну коробами торговцы горячими баранками и сайками, щебетали под кружевными зонтиками от солнца чистенькие расфранченные девицы. Все выглядело таким странным, чужеродным. Словно в потусторонний мир с головою нырнул.

Без толку прошатавшись по нужной улице, Шевцов обратился к местным обывателям, что оказалось наикратчайшим средством розыска. Потом долго и безрезультатно стучался в облупленную дверь одноэтажного беленого домика, уже беспокоясь, удастся ли выполнить задуманное. В конце концов Валерий решил обогнуть домишко и попал на загаженный гусями, махровый от полувыщипанной мохнатой ромашки задний двор. Домработница неясного возраста в исподнем белье, никак не обеспокоенная желательностью ношения верхней блузы, дабы прикрыть пышные красоты, старательно развешивала не слишком усердно выстиранное белье. Шевцов деликатно покашлял. Девица театрально переполошилась, не спеша, впрочем, укрыться от нескромного взгляда. Из вежливости отведя глаза, Шевцов справился о хозяйке. Девушка, глаза которой вспыхнули от любопытства, указала на незапертую дверь черного входа.

В тесных сенях Шевцов, перешагивая через многочисленные пыльные мешки и вконец изношенные корзины с разнообразным хламом, едва не упал, споткнувшись о ступеньку. Увидать ее, злокозненно схоронившуюся под изорванными самодельными ковриками, в прежнюю пору, видимо, щеголявшими муаровой расцветкой, было невозможно.

Потыкавшись в темных грязных коридорчиках, Шевцов сумел нащупать латунную ручку узкой двери, ведущей в жилые помещения. Неестественно унылая тишина в неприбранных комнатах контрастировала с беспорядочным гомоном провинциальной городской улицы, с напористым гусиным гоготом, нахальными выкриками подвыпившего праздного соседа, с будоражащим нервы скрипом заржавевшей неподатливой тачки, с крикливой перебранкой кумушек.

Поблуждав по жилым комнатам, которые выглядели давно заброшенными, Шевцов наткнулся на фигуру, отрешенно сидящую в придвинутом к тусклому окну кресле, с подложен-

ным под голову пухлым палевым пледом. Худая женщина в мешковатом буром платье монотонно постукивала узловатыми пальцами по облупленному подоконнику в застарелых пятнах чая.

Шевцов представился – женщина не сразу повернула давно не мытую голову с сальными прядями. Заслышав имя покойного мужа, она подняла голову. Лицо ее оживилось, погасшие белесые глаза первый раз выразили подобие участия к земным заботам.

– Госпожа Нечаева… Дорогая Агафия Семеновна… я стал невольным свидетелем кончины вашего мужа. Я пришел засвидетельствовать, что муж ваш – истинный герой. Он спас мне жизнь…

Госпожа Нечаева с трудом поднялась и сосредоточенно, с недвижным лицом зашагала по комнате. Ужасное зрелище: лучше бы плакала.

– Благодарю вас, господин поручик. Не желаете чаю? – бесцветным голосом поинтересовалась Нечаева.

Шевцов содрогнулся от бессилия.

– Никак нет. Если позволите, я оставлю петербургский адрес: если вам что-нибудь понадобится – мне тут же передадут.

Женщина дрогнула потухшим лицом:

– Никак не могу сообщить его матери… Как вы думаете – эта весть погубит ее?

У Шевцова перехватило горло. Он опустил глаза и не посмел предложить свое участие. Это было бы выше его сил.

* * *

По приезде в столицу Шевцов первым делом отправился проведать отца. Обошел милый с детства дом, по которому успел так соскучиться. Сейчас Валерий понимал: вот оно, настоящее родовое гнездо. На семьях Шевцовых государство держится. Но ничто не откликалось в нем отрадной ностальгией, словно прежний Валерий растворился в небытии. Отцовское жилище представлялось ему теперь сиротливым, неказистым.

Валерьян Валериевич нашел, что сын огрубел и заматерел. Канули в лету утонченные обороты речи, обходительность, деликатность обращения, юношеский идеализм. Теперь младший Шевцов высказывался сдержанно и лаконично. Оставаясь внешне почтительным, перестал обращаться к отцу на «вы». Затаилась в нем непреходящая, глубинная, мнущая сердце боль. Валерьяну Валерьевичу слишком хорошо была знакома эта напасть.

– Ты, сынок, гляжу, боевое крещение принял? Совсем мужчиной стал.

– Да, наверное… – однотонно отвечал Валерий, прислушиваясь к своим мыслям.

Заехавший с визитом супруг сестры Сонечки, Зиновий Андреевич Полежаев, подключился к беседе:

– Надолго пожаловал?

– Бог весть. Жену еще не видел.

– Город узнаёшь?

– Что в нем особенного?

– Как же ты не приметил: запружен жандармами, вооруженной пехотой.

– Что происходит?

– Ну, милый мой, у нас такое раскручивается! Цепь поразительных событий: одно невероятнее другого. Как будто весь мир с ума посходил. А вы там на окраине и не знаете ничего?

– Да чего ж именно?

– А вот гляди! За одно нынешнее лето: эсерские восстания на флоте в Свеаборге и Кронштадте, террористический взрыв в резиденции Столыпина на Аптекарском буквально пару дней назад. Это еще не беря в расчет бесконечные убийства государственных служащих всех

сословий и рангов. И, заметь, это произошло вслед за роспуском нашей первой в истории Государственной думы с всеобщим избирательным правом. Люди протестуют! При всем почитании императорской фамилии и уважении к правящему дому, по-моему, это настоящий регресс в отношении демократических свобод, объявленных в октябрьском манифесте 1905 года.

В Шевцове пробудилось любопытство, но вызвали его не революционные волнения. Он пытливо вглядывался в увлеченного оппозиционной полемикой зятя. Это было что-то новенькое в традиционно консервативном, до реакционности, Зиновии Андреевиче.

– Зеня, мне кажется, это не связанные между собой вещи. Внешний повод, не больше. Революционеры гнут свою линию, вовлекая народ, – теперь уж не успокоятся. Послабления только раззадоривают их, – вступился Валерьян Валерьевич.

– Но разогнать Думу!

– Зинушка, насколько я осведомлен, с нею невозможно было прийти к единодушию по принципиальным вопросам, включая земельную реформу. А внутри – одна группировка не в состоянии договориться с другой, да и вообще с кем бы то ни было. Хорошенький «законодательный» орган. Палка в колесе процесса необходимых реформ.

– Коль скоро депутаты более озабочены фрондерством, чем выработкой реалистичной и конструктивной позиции – это тупик, – поддержал отца молодой офицер.

– А ты, оказывается, не совсем отсечен от событий на Родине! Отлично. Но убеждений твоих не похвалю. Все общество нынче вовлечено в преобразование России – своевременное и назревшее. Сколько наболевших антагонизмов накопилось в обществе! Общество! Общество должно взять на себя управление государством. А не самодержец.

Шевцов и не заметил, как вовлекся в спор:

– Какое именно общество? Слишком абстрактное понятие. Назови мне имена, звания, программы – я имею в виду не утопичные и несбыточные, а привязанные к жизни, реальные. Заладили все вокруг: низвергнем самодержавие, отдайте нам власть! А что вы будете делать с этой властью? Буржуазное общество, мне видится, слишком разрозненно и мягкотело, чтобы удержать ее. И не понимает опасности того, что скоро ее отнимут настоящие кровожадные акулы.

– Такого не допустят.

– В самом деле? Блаженны верующие. Чем тебе конкретно самодержавие не угодило?

– Будучи человеком чести, не могу замыкаться в личном благоденствии. Народ! Мы обязаны облагодетельствовать народ. Решить вековые задачи! Один аграрный вопрос чего стоит.

Валерьян Валерьевич не выдержал:

– Да не альтруизм вами движет, а желание поучаствовать в разделе власти, господа интеллигенты! И по поводу земельного вопроса: разве не издан в этом месяце Императорский указ о передаче удельных и казенных земель в распоряжение Крестьянского поземельного банка? Впереди еще долгий путь, но политическая воля для разрешения вопроса недвусмысленно проявлена.

– Валерьян Валерьич! Вынужден со всей определенностью сказать: не будьте вы мне папенькой – нарек бы ретроградом. Теперь заявленных мер господина Столыпина недостаточно. Поздно! Подавай экспроприацию помещичьих земель! Сословия долой! Мы на пороге величайших событий, господа! Это носится в воздухе.

Молодого Шевцова охватила оторопь.

– Зиновий, отменить право частной собственности? Каких безумных прокламаций ты начитался? Каким отравленным воздухом дышит столица?

– Добро же тебе дерзить гражданскому лицу. Ты не осмысливаешь эпохальности грядущих событий. Твоя частная эгоистическая позиция ничего не изменит. Никто не в силах остановить разогнавшийся маховик истории.

– Зачем же его разгонять? От добра добра не ищут. Нельзя ли этому самому обществу сосредоточиться на практической работе ради преодоления, как ты выразился, антагонизмов? Без кровавого террора и безумных попыток свергнуть строй во время реформ, которые сейчас проводятся.

– Пути назад нет! Так или иначе, самодержавию конец. Мы построим истинно справедливое общество.

Шевцов пожал плечами:

– Ну ладно. В добрый путь. Эпохальных вам успехов.

Больше он в политические дискуссии не вступал. Пустозвонство вызывало у него приступы нервной и физической аллергии, вплоть до крапивницы.

* * *

Пребывание в почти забытом людьми доме, обиталище одинокого отца, помогло молодому офицеру вернуть утерянное душевное равновесие. Несколько дней он только тем и занимался, что покачивался в отцовском кресле-качалке; не вникая в смысл, скользил взглядом по юмористическим журнальным публикациям Тэффи; механически ел и много спал.

Через неделю полная сил натура потребовала деятельности и новых впечатлений. Валерий вытащил томик по истории Англии, с которым не расставался, и позволил себе приняться за пищу для ума:

«Преемнику страстотерпца, сводному брату королю Этельреду, пришлось пережить как предательство собственных подданных, так и нашествие язычников-датчан. В итоге в 1013 году он вынужден был бежать из страны.

…Затем, «после краткого правления христианских королей-датчан (1016–1042), на трон взошел вернувшийся из изгнания святой Эдуард Исповедник; и ему пришлось бороться с восстанием могущественных графов на севере и на юге.

…Правление св. Эдуарда Исповедника принесло мир и процветание, но одновременно характеризовалось резким упадком нравственности народа. Так, например, Эдмер Кентерберийский писал незадолго до вторжения Вильгельма Завоевателя о монахах храма Христа в Кентербери, что они живут „в пышности, какая только возможна в мире, в золоте и серебре и изысканных одеждах; спят на ложах под роскошными балдахинами; имеют всевозможные музыкальные инструменты, на которых любят играть; имеют лошадей, собак и ястребов, с которыми выезжают на охоту, в общем, живут, скорее, как графы, а не как монахи“.

…За несколько лет до нашествия нормандцев, – писал англо-ирландский историк Уильям Малсбери, – любовь к литературе и религии пришла в упадок. Малообразованные клирики с трудом и запинанием произносили слова священных молитв; человек, знающий грамматику, был предметом всеобщего удивления. Монахи пренебрегали уставом, одеваясь в роскошные одежды и услаждаясь разнообразными и изысканными яствами. Знать, предаваясь роскоши и разврату, не ходила регулярно утром в церковь, как следует христианам, но только от случая к случаю приглашала на дом какого-нибудь священника, который торопливо совершал утреню и литургию для этой знати в перерывах между ласками их жен. Простые люди, не имеющие никакой защиты, становились жертвами людей знатных, которые увеличивали свои богатства, захватывая их имущества и земли и продавая их иностранцам. Пьяные оргии ночи напролет были делом обычным. Грехи, сопутствовавшие пьянству, расслабляли и душу и ум»[8].

[8] По книге Владимира Мосса «Крушение православия в Англии».

Валерий Валерьянович разволновался – даже ладони вспотели: он поразился сходству с современной эпохой, словно снимали копию с нынешнего бытия его народа. Православного и заблудшего, все более охватываемого бесноватым духом самораспада.

«Расплата за эти грехи была предсказана в видении умирающему королю Эдуарду в 1065 году. “Только что, – сказал он, – передо мной стояли два монаха, которых я когда-то хорошо знал в дни моей молодости в Нормандии, – люди большой святости, давно уже отошедшие от земных забот ко Господу. Они передали мне послание от Бога: «За то, что люди, – сказали они, – достигшие высочайшего положения в Английском королевстве, – графы, епископы, аббаты и члены священных орденов, являются не теми, за кого выдают себя, но, наоборот, являются слугами дьявола, за это Бог через один год и один день после твоей смерти предаст все это проклятое Богом королевство в руки врагов, и дьявол пройдет по этой земле огнем и мечом и всеми ужасами войны». «Тогда, – ответил я тем святым мужам, – я расскажу народу о Божием приговоре и люди покаются, и Бог помилует их, как пощадил Он ниневетян». «Нет, – ответили те святые мужи, – не покаются они; и Бог не помилует их…

…6 января 1067 года, точно спустя год и один день после смерти короля Эдуарда Исповедника, исполнилось его предсмертное пророчество. В этот самый день состоялась коронация Вильгельма, герцога Нормандии, который стал первым католическим королем Англии. В последующие три с половиной года его армии опустошали страну вдоль и поперек – антихрист пришел в Англию.

…Последний православный король был убит; его тело было разрублено на части нормандцами, а душа „анафемствована“ римским Папой. Храмы были разрушены; Православные святыни поруганы и сожжены; английские епископы заменены французскими католиками; литургическая практика, все церковные и культурные традиции были уничтожены; даже английский язык был запрещен и заменен французским. Земли крестьян были опустошены и отняты. Священников заставили развестись со своими женами, которые вместе с детьми вынуждены были просить подаяние. Каждый пятый англичанин был убит. Каждый из ста (включая цвет аристократии) эмигрировали – главным образом в Константинополь, Киев и Крым, где была основана колония „Новая Англия“[9].

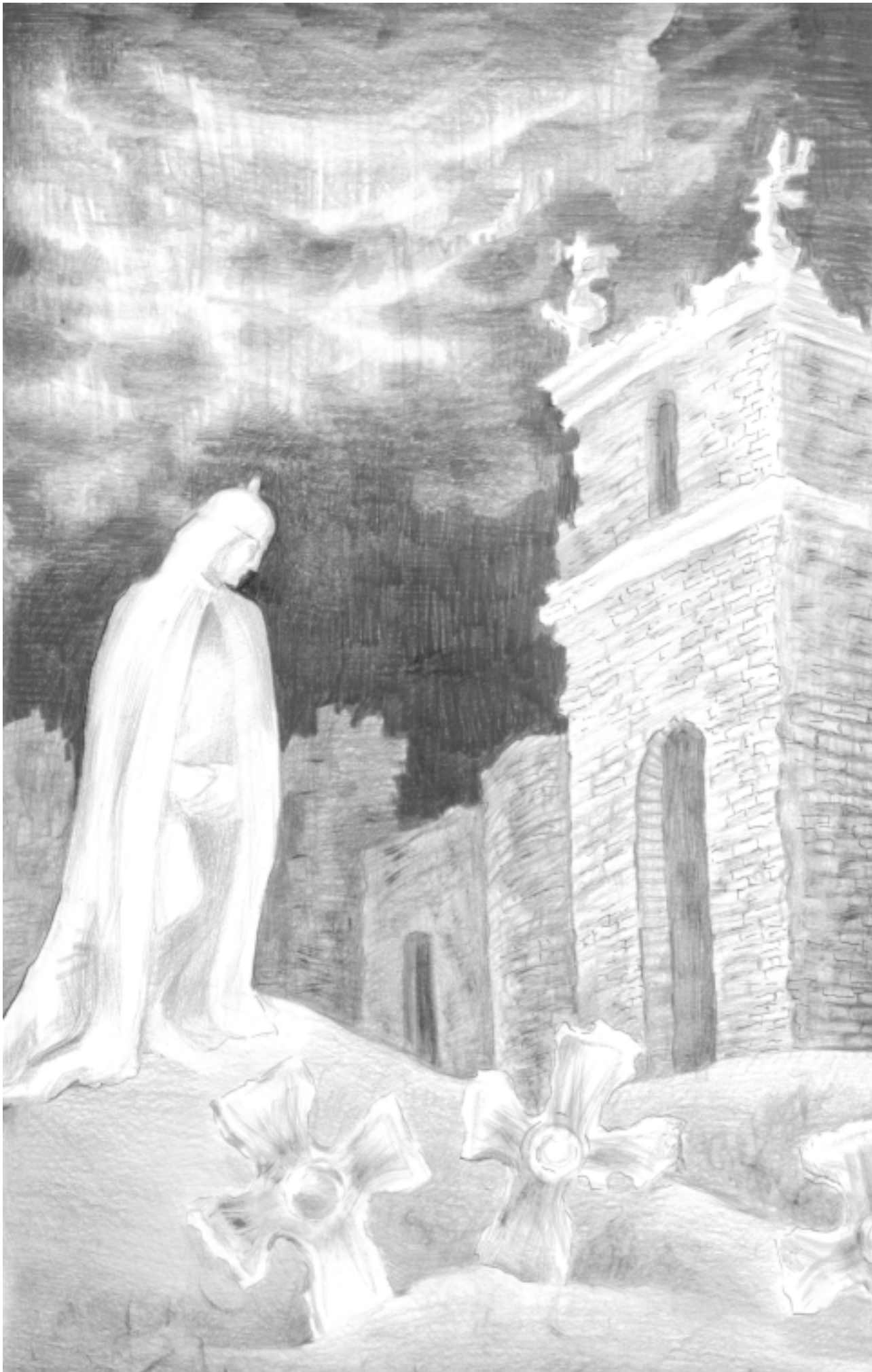
«Англия до нашествия нормандцев в 1066 году и после – это две разные страны. Как сказал один историк, “в результате только одного дня битвы (14 октября 1066 г.) Англия получила новую королевскую династию, новую аристократию, новую церковь, новое искусство, новую архитектуру и новый язык”»[10].

«Поручик Шевцов, – мысленно произнес Валерий, внутренне подтянувшись от эпохальности своего открытия, – если нравственное падение российской элиты вкупе с бессовестным притеснением простонародья столь же богомерзко, то мы на волоске от катастрофы. Не достает только убиения последнего „Дозорного“ – Помазанника Божия – чтобы окончательно

[9] По книге Владимира Мосса «Крушение православия в Англии».

[10] По книге протоиерея Александра Шабанова «Святой Патрик, епископ и Просветитель Ирландии».

и бесповоротно сползти в пропасть». Содрогнувшись, он отогнал от себя мрачные предчув-



* * *

Восстановив внутреннее равновесие и самообладание, Шевцов наконец счел себя в силах объясниться с женой. Он не стал брать пролетку, решив прогуляться по знакомым улицам.

Ничто не указывало на зреющий в глубинах государства абсцесс, вызванный революционной инфекцией. Прилежно помахивали метлами степенные, обстоятельные дворники; цокали по мостовой лошади, запряженные в элегантные экипажи; усердно гудели трамвайные рельсы; расхаживали глазастые зеваки. Бестолково блуждали по Невскому иногородние, справляясь о своем местонахождении у солидных городовых и доброжелательных квартальных. На перекрестках мальчишки сбывали газеты; мелкие лавочники торговали пампушками, сбитнем, фигурными леденцами. Перекупщики оранжерейной продукции предлагали изысканные цветы.

Шевцов выбрал кипенно-белые орхидеи, предпочитаемые Валерией Леонидовной, а на Малой Садовой зашел в «Елисеевский» за ее любимыми греческими сластями. Нагруженный гостинцами, он попросил швейцара вызвать подъемный механизм. Поднялся на свой этаж, поразмыслил и достал ключ. Неслышно отворил дверь – прислуги дома не было.

В прихожей висела шинель с нашивками подпоручика, на столике лежали мужские перчатки и фуражка. Шевцов затих: из глубины квартиры звучал мужской голос: некто спокойно вопрошал, где его кальсоны. На мгновение Шевцову почудилось, что он, спятив, перепутал квартиру.

Подавив дурноту, он собрался с духом и, почти пробежав залу и столовую, остановился у открытой двери в спальню. Человек в костюме Адама заметался в приступе стыдливости, ища, чем бы прикрыться. Шевцов едва скользнул по нему взглядом: дружок по военному училищу, Борис Емельянов. Тут же забыв о нем, прошел в уборную, откуда откликалось воркование хозяйки. Валерия Леонидовна, слабо охнув, упала на случившийся по счастью рядом стул. Шевцову стала до боли противна полная непотребства картина. Развернувшись, он обнаружил в дверях впопыхах прикрывшегося фаворита.

Ухватив за шею, повлек его в прихожую.

Не сознавая себя, в туманящем разум гневе швырнул засипевшего от удушья шалопута на лестничную клетку, туда же отправил его шинель и фуражку и, захлопнувши дверь, хлобыстнул хахаля жены по лицу. Тот и не думал защищаться, растекшись по полу лужей простокваши.

Вскипевшая злоба разом покинула Шевцова; осталась гадливость, словно гнилой орех раскусил.

– Как ты мог? Пока я там – на границе… Где наши юнкерские представления о чести… Что скажешь, подлец Емельянов?

– А то, что это моя первая любовь! Помнишь, тогда на балу она была со мной. Ты же триумфально покорял любые сердца. Но нет, тебе именно Лера потребовалась! А для меня Валерия Леонидовна – единственный светоч в жизни.

– Хорош светоч. И что ты городишь, она сама меня выбрала. Давай уж придерживаться правды.

– Неужели ты не понял: она вышла за тебя только для того, чтобы показать превосходство над подругами.

– Восхитительная причина. Знаешь, Емельянов, от тебя не ожидал. Ну, сию минуту беги, спасай голову от расплаты!

Незадачливый полуодетый любовник, схватив шинель в охапку, слетел с лестницы.

Валерий собрал дорогие сердцу, с детства хранимые вещи и, не объяснившись с супругой, навсегда покинул их когда-то совместное жилище. Сколько ни прислушивался, он не мог более

различить в себе ни ярости, ни пронзительной боли от предательства. Только опустошающую гадливость.

* * *

Шевцов долго околачивался по закоулкам, бредя, что называется, куда глаза глядят. В подворотне на Ямской заметил бородатого мужичонку в мятой поддевке, лихо продававшего газету столпившемуся вокруг него разночинному люду. Позволь, а деньги-то где? Состроив безразличную физиономию, Шевцов шагнул к нему, но тот, заметив офицера, рванул с места. Бросить тяжкую ношу не догадался, и Шевцов нагнал его в два счета.

– Стой, сквернавец! Святцы раздаешь? Изволь: одели ближнего!

Шевцов ухватил лапотника за бородищу – вся кудлатая растительность моментально очутилась у него в руке, обнажив сморщенную в дряблый старческий кулачок, выбритую малахольную физиономию.

Воспользовавшись заминкой, обезбородевший распространитель нелегальной литературы кинулся в проходные дворы, отбросив бумажную кипу. Шевцов наклонился: газета «Вперед», издание РСДРП(б). Шевцов не слишком разбирался в классификации революционеров, но содержание газеты ему не понравилось. Сунув одну за борт шинели – ради исследовательского интереса, он собрал рассыпанную, уже грязноватую бумагу и направился в ближайший полицейский участок, сочтя свой долг исполненным.

Метрах в ста от гнездовья попечителей порядка немолодой вечный студент в несвежем шарфе и видавшем виды пиджачонке с продетой в петлицу красной лентой, взобравшись на уличную тумбу, скандировал вирши. Он экстатически размахивал рукой, а пестрая толпа внимала, не больно соображая, о чем это он:

Весы качнулись мировые,
Высоко подняты судьбой.
На чашу темную Россия
Метнула жребий тяжкий свой.
Молчи и никни долу, право,
Се – высшей истины черед:
Предначертан борьбы кровавой
Единый праведный исход.
Кто б ни был вождь, где б ни был случай,
Над зыбью дней властитель Рок.
Кто заградит в горах ревучий
И к морю рухнувший поток?[11]

Шевцов приостановился, послушал и обреченно потер лоб: массовое безумие достигало невиданного размаха. Зашел в участок, кратко доложил о происшедшем, сдал газеты. Толсторожий дежурный, с проросшими проседью крашеными усами, являл собою пример отрешенного бесстрастия и только что не пожал плечами в ответ на взволнованный шевцовский рассказ.

[11] В. Брюсов. Весы качнулись. 1905.

Глава 8
Про безумие рыцарства

Лихо проскочив ступеньки увечного, выщербленного крыльца, Валерий нос к носу столкнулся с проходившим мимо здоровым, ражим подпоручиком. Тот козырнул.

Шевцов, не отвечая на уставное приветствие, уже тряс Дружн***о***го за плечи:

– Сергей – не узнал? Вот так встреча!

– Валерий свет Валерьяныч! Неужели вернулся из земель азиатских?

– Пока нет. В отпуске. Ты где обитаешь?

– Я, батенька, подпоручиком во 2-ой гвардейской.

– Однако. Молодцом. Рад за тебя, гвардеец.

– Ты-то что?

– Все там же. Туркестан.

– Скоро обратно в Петербург?

– Пять лет еще не вышло.

– Ну, хоть в чинах преуспеешь в пограничной страже. Через два года после выпуска – и нате-ка: господин поручик! А мне еще три года мотыжить.

– Точно. Преуспею… если жив останусь, – процедил Шевцов, обрывая тему. – Жениться не думаешь?

– В ваш клуб потерянных для мира человеков? – и калачом не заманишь.

– Потерянных для кого – для красоток?

– А хотя бы. Что Валерия Леонидовна поделывают?

– Говорят, у нее нежный роман с господином Емельяновым.

– Вот так фокус. Ну, Бориска, ну голова садовая… Как узнал?

– Слухом земля полнится.

– Не горюй, Валерий, поделом вору и мука. Представь: Борису с нею жизнь колотиться. Пропащая душа…

– Прекрати, Дружн***о***й. Без тебя тошно.

– Да ведь сермяжную правду…

– Отставить, бестолочь. Укажи лучше, где горло промочить в Петербурге – желательно с веселыми плутовками. Я нынче при деньгах. Угощаю, Серж.

– Ба, Шевцов, голубчик, ты ли это! Да ты раньше не принимал ничего крепче минеральной шипучей. И за версту обходил самые завлекательные заведения!

– И сейчас обойду, если там жеманные дуры.

– А знаешь ли, поехали к цыганам, кутить – так напропалую! Вот только хоровые девки до себя не допускают, разве шибко глянешься или жениться пожелаешь. Ну не беда: к утру еще что-нибудь затеем, сыщем доступных веселых баловниц.

– Там видно будет. Указывай дорогу, Вергилий.

* * *

Офицеры, справившись о столике, прошли в просторную, помпезную ресторанную залу с вычурной позолотой, где, блестя разгоряченными потными лицами, с раннего вечера выступал хор русских цыган. Слышимость в зале была везде отличная. Но публика, оторвавшись от осетрины и котлет де-воляй, собралась поближе к сцене, соревнуясь за места с наилучшей панорамой обозрения.

Хористки, наряженные под бродячих цыганок, – в приталенных блузах с широченными рукавами и в аляповатых юбках, роднивших их с бабой на чайнике, в необъятных пукетовых шалях, в звенящих медных монистах, выдаваемых за золотые, – выводили тягучие романсы и бросали в зал яркие плясовые, приправляя их «жгучими, волшебными» взорами и красноречивым подергиванием плеч, словно вытряхивали попавшую в лиф пчелу. Судя по широте торопливых движений, в просторные балахоны артисток их набился целый рой. Колебание мясистых грудей, вкупе с лихими бесшабашными напевами, магнетически действовали на толпу из потерявших степенность купцов, отбросивших приличия фабрикантов, худосочных студентов, подгулявших офицеров и прочих фигур мужеска полу. Лица у всех, невзирая на происхождение, отличались налетом недвусмысленной похоти и готовности к сомнительным «подвигам». Большинство этой разномастной публики под утро откочевывало продолжать кутеж в менее презентабельные заведения, не минуя и дома свиданий.

Горластые хористы в расшитых золотом жилетах приплясывали, рисуясь и демонстрируя удальство, солировали в сопровождении хора. Поклонники цыганского пения, ошалев от восторга, щеголяли друг перед другом щедростью. И точно уловив момент, когда энергия, подпитывавшая золотой поток, почти истощилась, старейшины вытолкнули вперед свой главный козырь – «несравненную Илону».

Принятая в хор из забредшего на российские просторы кочевого племени, полудикая пятнадцатилетняя девочка, принятая в хор ради звучного голоса редкого по красоте тембра, впервые выступала перед публикой. Еще вчера черноволосая смуглянка странничала со своей древней бабулей, а когда та скончалась – девочку сторговали старейшины для столичного хора, что считалось высокою честью. Цыгане что-то приказывали ей по-венгерски: таборная не вполне понимала русскую речь. Аккуратно причесанная и принаряженная дебютантка боязливо поглядывала по сторонам. Ей было в диковинку разнузданное сборище полупьяных мужчин, развязные движения товарок. Простосердечная пугливость сквозила в неискушенных очах. Пунцовая от смущения, слушаясь старших, юница завела напев несмелым меццо-сопрано, но скоро, следуя канонам песенной печали, отрешилась от толпы – и голос ее зазвучал непостижимо проникновенно, изливая из сердца вечную тоску по воле. По окончании песни на пару мгновений повисла почтительная тишина, но тут же зал всколыхнулся овациями и ободряющими криками. Обильный денежный поток зашелестел, зазвенел с прежней силой. Девочка опасливо съежилась; на ее растерянном юном личике ясно читалось желание спрятаться.

Старейшины, оценив важность момента, велели юнице одарить поцелуем наиболее щедрых дарителей, при этом, однако, строжайше ограждая ее от скабрезных касаний. Потребовались повторные окрики, пока целомудренная туземочка, затравленно озираясь, не пошла по кругу, нетвердо держа врученный ей поднос.

Чуть не плача, она целовала в губы дышавших перегаром, похотливых мужчин, шептавших ей непристойности. Шевцов стоял в полукруге среди прочих и, следуя очередности, бросил на поднос хрустящую купюру. Приблизившись к нему, певица подняла тревожные глаза – Валерий увидел красивое лицо перепуганного ребенка. Шевцова прожгло острой жалостью. Он отвел детскую руку, тянувшуюся обвить его шею:

– Не надо, девочка.

Не понимая русских слов, горемыка прочла в лице офицера сострадание, боль за нее, желание заступиться. В смятенной признательности затихла перед Шевцовым, пока не окликнули. Этот взгляд он не забудет никогда.

Дружн***о***й теребил друга, требуя продолжить похождения. Тщетно: у протрезвевшего Шевцова улетучилось желание куролесить. Дождавшись, когда осипшие к утру хористы завершили выступление, он поманил ближайшего к нему цыгана:

– Ромалэ… или как вас… С кем поговорить о выкупе хористки?

Рома принялись горячо совещаться. Понимая цену таланту кочевой иноплеменницы и подсчитывая выгоду, которую они могут потерять, хористы сомневались, стоит ли продавать девушку. Но, с другой стороны, эти шатровые болезненно свободолюбивы, строптивы и дики – пожалуй, сбежит при первой возможности.

– Господин офицер, мы дорогой выкуп назначаем.

– Сколько?

Хор назначил колоссальную сумму. Шевцов прикинул: едва ли достанет годового офицерского жалованья, хоть и с учетом окраинной надбавки. Все же думал недолго:

– По рукам.

– Мы не отпускаем девушку без ее согласия.

Шевцов издали поманил цыганочку:

– Илона, пойдешь со мной?

Девочка, всхлипнув от избытка пережитого за тяжкую ночь, придвинулась поближе и кивнула.

– К вечеру деньги будут, рома. Подготовьте Илону.

– Подожди, уважаемый. Когда свадьба?

Шевцов опешил:

– Час от часу не легче. Зачем свадьбу?

– Мы хористок на сторону отдаем только в честное замужество.

– И с выкупом?

– Да хоть и с выкупом.

– Мил человек, ведь я женат. Вы, кажется, православные? Венчаный я, понимаешь?

– Дело твое, венчаный или нет, а цыганскую свадьбу сыграй.

– Послушай, нельзя ли ей в табор вернуться – к своим родным, и выйти замуж, за кого пожелает? Я не притронусь к ней, а выкуп за мной, как обещано.

Дружн***о***й горячо зашептал Шевцову в ухо:

– Табор ее обратно в хор отдаст…

Шевцов обернулся:

– Погоди… За кочевого пойдет – уже не отдаст. Да и хор замужнюю не примет.

Худой, как вешалка, цыган в обвисшей расшитой рубахе перевел разговор юнице.

Илона, взяв Шевцова за руку, что-то выговорила с чувством, темпераментно поводя очами цвета спелой черешни и необъятной, засасывающей глубины.

– Она готова уйти из табора и хора – за тобой. Будет верною женой. Нарожает тебе много детей. Исполнит любые прихоти.

Шевцов взялся за голову. Дело осложнялось.

– Илона, я тебя заберу, а потом ступай спокойно на все четыре стороны.

Цыган ответил за Илону:

– Свадьбу сыграешь – навек жена. Бросить не можешь, да и никто замуж не возьмет. Порченая.

– Почему порченая?

– Должен свадьбе кровь предъявить.

– Что за обычаи… Зарезать я ее, что ли, должен?

– Господин хороший, не маленький ты. Девственную кровь показать. Чтобы честный брак.

Дружн***о***й уже дергал за рукав:

– Шевцов, перестань спасать мир. Всегда с тобой в историю угодишь.

Шевцов огрызнулся:

– Езжай, Дружн***о***й. Давно не держу.

Сергей Александрович обреченно подавил вздох сожаления, потер утомленные глаза. Приключение внезапно затянулось.

– Дилемма, однако. Переведи Илоне: может ехать со мной, но свадьбы не будет. Обещаю, что не обижу. Слово офицера. Вам – даю двойной

* * *

– Шевцов, надо тебя на экспертизу душевного здоровья отослать. Виданное ли дело: положить жалованье за два года, да еще экипаж заложил. За дикарку туземную. И двух слов с ней не скажешь.

– Серж, не просветляй мне разум. Он давно просветленный. А в Туркестане – и вовсе заблистал. Одежду человеческую взял? Не то на первом перекрестке жандарм за кражу детей перехватит.

Экипаж подъехал к пятиэтажному дому с затейливой художественной лепниной и колоннадой, в одном из богатых кварталов столицы.

Дружн*о*й присвистнул:

– Ну и хор… Раскапиталисты. Побогаче всех нас вместе взятых.

Шевцов между тем уже вел переговоры с нагловатым швейцаром.

Молодые люди дожидались более получаса. Пройти дальше парадной им так и не дозволили. Наконец на центральном лифте спустился холеный смуглый господин, на вид лет семидесяти, в парчовом таусинном халате перламутрового отлива. Надменный, полный собственного достоинства, он передвигался величаво, с некоторой вальяжностью. За ним следовал расторопный вихрастый малый в дорогой паре, которого престарелый чванный цыган именовал Василием.

– Чему обязан?

– Мы за Илоной.

– Привез, что обещал?

– Привез.

– Василий, деньги прими.

– Василий, руки убери. Сначала Илону.

– Она собирается. Пока деньги пересчитаем.

– Пересчитаете, когда придет.

– Женщины долго собираются. Зачем время терять.

– Ничего, мы не торопимся.

– Сквозняк, не стану я здесь с вами стоять. Да и недосуг. Прощайте.

– Ничего, подойдем позже, когда будет готова. До свидания.

Красавец Василий засуетился:

– Почтенный, девушке надо убедиться, что ты с серьезными намерениями. Бывает, иной представляется серьезным человеком, а сам проходимец и нищий. Деньги покажи.

– Деньги собраны. И вы это знаете. Иначе бы нас здесь не было.

– Ну, передай теперь Илоне на булавки. Традиция такая. Она сейчас спустится.

– Когда спустится, тогда и поговорим.

Василий закручинился, чванный рассердился и ушел. Офицеры тоже удалились.

Так они, препираясь, уходили и возвращались еще трижды. Шевцова одолеть не удалось. Цыгане тоже были непреклонны. В конце концов, чопорный перестал появляться. Василий тоже не спустился. Швейцар отказывался звать хозяев из верхних покоев, уверяя, что впускать офицеров больше не велено и ко всему прочему все старейшины покинули дом по делам. Дружн*о*й пытался столковаться, посулив мзду. Шевцов, между тем, метнулся наверх. На втором этаже он остановился, прикидывая, куда податься дальше. Швейцар оказался проворен и резвым петушком настиг Валерия. Энергично сграбастав широкоплечего парня, Шевцов впечатал его в роскошный тонкий барельеф китайской тематики, радушно прохрипев в лицо:

– Молодец: тебя-то мне и нужно.

Слегка сунув верзиле под дых и встряхнув хорошенько, велел:

– Веди к Илоне.

Дружн*о*й для пущей убедительности долбанул парня сзади.

Укрощенный малый проводил молодых людей в квартиру кичливого старика, завешенную яркими хивинскими коврами ручной работы и редкими средневековыми гобеленами, заставленную антикварной мебелью с претензией на близкое знакомство с интерьерами Людовика XIV. Везде, где только можно, хозяева расположили дорогие вазы и старинные подсвечники. В редкие просветы между жардиньерками и комодами были засунуты позолоченные напольные часы иностранной работы. С непонятной целью присутствовало здесь даже утружденное жизнью пианино. На нем веселой компанией сгрудились немытые фужеры, вперемежку со статуэтками разного размера – от выразительного, античного аполлонова торса, до мраморного бюста насупленного пустоглазого Наполеона.

Цыгане, войдя в комнату сразу из нескольких дверей, угрожающе зашумели, окружили офицеров. Их численное преимущество было неоспоримым. Покручивая на пальце револьвер, высокий цыган с корявым белесым рубцом через смуглую щеку, нагло щурил глаза:

– Выкуп принесли? Похвально.

Шевцов достал личный браунинг:

– Грядете на ны?

Дружн*о*й встал спиной к спине Шевцова, вспотевшей рукой вцепившись в лежащий в кармане револьвер и уже выбрав мишень – рыхлого дебелого брюнета.

Наверное, ему не удалось сохранить свое намерение в тайне: цыгане раздумали стращать и отступили.

– Зачем так? Мы рады гостям – выпейте с нами хорошего вина.

– В другой раз. Илону сюда.

– Почтенный, тебе уже сказано: мы своих отдаем только в виде исключения, если девушка сама настаивает. И только в честное замужество. Приличным людям.

– Вопрос о приличии?

– Ни в коем разе! Разве можно усомниться в таких добрых молодцах! Да еще состоятельных. Одна незадача: девушка передумала.

– Пусть девушка сама скажет.

– Ты разве нам не доверяешь? Разве мы стали бы обманывать такого почтенного гостя?

– Хочу ей в лицо посмотреть.

– Она уже спит.

Шевцов поднял к потолку оружие, палец на курке:

– Сейчас разбудим.

– Не шуми, почтенный, у нас здесь женщины на нижних этажах – напугаешь. Сейчас пошлем разбудить.

Илону доставили безотлагательно.

– Илона, пойдешь со мной?

Цыганочка что-то горячо сказала по-венгерски.

– Вот видишь? Говорит – передумала. Да она толком и не принарядилась даже, не пожелала собраться.

Шевцов жестом показал девушке свое намерение ее увести.

Та не тронулась с места, не понимая. Шевцов решил, что она не согласна.

– Ну, будь по-твоему. Счастья тебе.

Шевцов повернулся – и тут Илона, подскочив, схватила его за рукав, с жаром пытаясь втолковать что-то на немыслимой тарабарщине.

– Рома, не похоже, что девушка передумала.

– Почтенный, хор решил не выдавать ее за тебя. У тебя русская жена, да и сам ты гадже. Цыганка не пойдет за тебя.

– Не вам решать, куда она пойдет. Не имеете права удерживать женщину против ее воли.

– У нее паспорта нет, у вас будут большие неприятности.

– Посмотрим.

– Негоже так гостям себя вести.

– Негоже контрабандой промышлять, – Шевцов указал на голландские гобелены. – И уверен, жандармам еще будет чем заняться в вашем доме.

– Жандармы наши люди.

– Вашего околотка – возможно. Но не нашего ведомства.

– Почтенный, зачем так расстраиваться. Если уж она тебе так мила – забирай девушку. Ей была оказана честь состоять в нашей хоровой семье. А не хочет – пусть ступает с миром. Но ты загубишь ее талант! Ей нужно петь.

– Разберемся. Илона, пошли.

– Почтенный, выкуп отдай.

– Когда бы сразу да по-хорошему – получили бы до копейки. А как вы дело нечестно повернули, бессмысленно продолжать дискуссию.

– Нехорошо так, господин офицер. Ты слово чести давал.

– Давал слово, что Илону не трону и не обижу. Мое слово в силе. Прощайте.

* * *

Офицеры вывели девушку на улицу, посадили в кибитку. Валерий велел извозчику опустить верх. Поехали на квартиру Дружн***о***го, там Илону отправили переодеться. Стали думать, что делать дальше. Полное отсутствие документов весомо осложняло ситуацию.

– Шевцов, а ну как попробовать фальшивые документы… У тех же цыган. У меня есть кое-какие знакомства.

– Ты в своем уме? Может, ты с ними еще и контрабандой промышляешь?

Дружн***о***й смиренно потупился.

– Не хочешь – не надо. У тебя есть лучшие предложения?

– Придется обращаться к отцу… Помнится, у него оставались стародавние связи в жандармерии. Не знаю, в силе ли они.

– И пожелает ли твой папенька вмешаться в историю.

– Серж, я знаю отца. Он никогда не отступался при необходимости протянуть руку в нужде.

– Лер, неужели ты и вправду был готов отдать за девчонку чертову сумму, загнавши себя в долги? Или – блефовал?

– Да, пожалуй, вот только цыгане сильно разозлили.

– Шевцов, ты рыцарством захворал? Не могу поверить, что речь идет о дикой цыганке.

– Дружн***о***й, в тебе говорит снобизм.

– Так что, идеалист, все люди братья?

– Мне и среди русских куда как не все братья. Братство не национальностью меряется.

* * *

Доставив девушку к отцу в особняк, Шевцов столкнулся с новой трудностью. Илона ни в какую не соглашалась подняться в приготовленную для нее девичью на втором этаже, бывшую комнату Сонечки. Сколько оба Шевцовых и горничная ни бились, пересилить упрямую цыганку не удалось. Нужно было найти переводчика.

Трудно вообразить, каково было в малом городке в предместьях Санкт-Петербурга сыскать знатока венгерского языка. Валерьян Валерьевич обошел прихожан и выяснил, что в при-

легающем сельце снимает дачу бывший цирковой гимнаст, уроженец Закарпатья. По безвыходности решили попытать счастья. Послали пролетку. Располневший на покое артист с охотой прибыл и действительно сумел объясниться с норовистой туземкой.

Почесав мохнатую голову, господин Орос передал озадаченным домочадцам:

– Она не может подняться на второй этаж.

– Что за блажь?

– Боится осквернить дом.

– Переведи: у нас другие порядки. И коль скоро она поехала со мной, пусть перенимает правила нашего мира.

Девочка по-прежнему цеплялась мертвой хваткой за перила.

– Поняла ли она?

– Поняла. Но строптива.

Шевцову прискучили бесплодные разъяснения. Взяв руки Илоны в свои, он медленно разжал ее пальцы. Илона смотрела Шевцову в глаза с доверчивым обожанием, все еще сопротивляясь по инерции. Подхватил на руки обмякшую девчонку – и понес наверх. Занеся в горницу, усадил на кровати. Илона не давала ему разогнуться, обхватив шею руками.

– Илоночка… пусти. Ты здесь будешь жить. Обживайся.

Илона еще крепче ухватилась за Валерия, бормоча непонятные тревожные слова.

Шевцов оперся коленом на кровать:

– Девочка, знаю, что тебе страшно. Ничего, все пройдет. Ничего.

– Ничего… – эхом откликнулась девушка.

– Вот и славно… Пусти, моя хорошая.

Илона разжала руки.

– Скоро ужин подадут. Покажу, как нужно за столом сидеть. Не робей, девочка.

* * *

Томным лиловым августовским вечером, одним из последних в остывающем Петербурге, Шевцов запросил аудиенции у Шаляпина: Большой театр давал на сцене Мариинского «Фауста». Ему отказали – певец устал и занят был чрезвычайно.

Тогда Шевцов, потеревшись среди артистов труппы и разведав, каковы вкусы и предпочтения певца, отправил Шаляпину невообразимых размеров корзину его любимых махровых сиреневых роз, с сопровождающим письмом: «Глубокоуважаемый Федор Иванович! Ваше искусство призвано пробуждать человеколюбивые движения души ценителей Вашего таланта. Позвольте выразить уверенность в том, что Вы, как самобытный выходец из крестьянской семьи, выпестованный щедростью благодетелей, разглядевших Ваш творческий гений, не преминете признать природные способности обездоленной, но несомненно одаренной молодой особы. Во имя Ваших учителей и радетелей прибегаю к Вашему покровительству и великодушию. Все, о чем смею просить, – уделите полчаса Вашего драгоценного времени, чтобы распознать Богом посланный талант. Закапывать оный возбранено и Создателем».

Шевцов ждал недолго: в фойе вбежал суматошный, встрепанный человек в поношенном фраке:

– Господин Шевцов? Поднимитесь, вас ожидают.

Шевцов подал знак предупрежденному и задобренному швейцару, и в фойе пожаловал благопристойного вида господин Дружн***о***й, под руку с маленькой оробелой смуглянкой, наряженной небогато, по-мещански.

Крупнотелый Федор Иванович приветливо подал руку Шевцову, осведомившись об имени и звании. Шевцов коротко представился и рассказал предысторию визита.

– Удивительно. Подлинно удивительно. Ну что ж… Попробуем…

Шевцов дал знак Илоне приблизиться к инструменту. Догадливая девушка скоро сообразила, что от нее требовалось. Шевцов и Дружн*о*й, переговариваясь, спустились в фойе. Против ожидания, прослушивание продолжалось более часа. Шевцов уже стал беспокоиться, когда господин Шаляпин сам изволил подойти к молодым людям:

– Валерий Валерьянович, миленький. Голос, конечно, исключительный, да ведь она неграмотная. И по-русски – ни-ни.

– Федор Иванович, хоть сейчас выйдите на улицу: там сплошь все дамы, которые говорят по-русски и грамотой превосходно владеют. А подойдет хоть одна по дарованию русской сцене? Вот то-то. Возьметесь обучать?

– Исключено. Я не учитель, я артист. Опять же, вы представляете, сколько это может стоить?

– Несомненно. Вы можете порекомендовать кого-нибудь в столице? Денежную сторону дела беру на себя.

– Ну, ладно, добрейший Валерий Валерьянович. Уважаю ваши доводы и великодушие. Я действительно приму участие в вашей подопечной. Приезжайте ко мне домой в следующий вторник. К трем пополудни. Мы найдем возможность пристроить барышню на обучение.

* * *

Валерий прочитал от корки до корки большевистскую газету, следуя принципу «узнай врага досконально». Зиновий Андреевич, застав родственника за этим занятием, обрадовался:

– Ты приближаешься к истине!

– Какой истине?

– Большевиков не одобряю… Но вот программа крыла меньшевиков мне вполне по душе.

Шевцов потерял дар речи:

– Не хочешь ли ты сказать, что записался в революционеры?

– Определим это как «сочувствующий». Я жертвую на нужды партии.

– Однако… не доведет нас это безумие до добра.

И, не слушая возражений, скомкал перед камином пачкающие руки листы.

* * *

Погостивши у отца еще с неделю, Шевцов рассудил перебраться поближе к Туркестану. Нужно было пристроить Илону. В конце концов, решив оставить девушку на попечение отца, поручик пришел с ней попрощаться:

– Илоночка, здесь тебя не обидят. Будешь у Валерьяна Валериевича за дочь. А мне служить надо – понимаешь? На службу ехать. Далеко.

Господин Орос перевел.

Цыганка разразилась загадочной возбужденной тирадою, в которой часто повторялось «Шевцов».

– Господин поручик, она будет ждать вас, сколько надо.

– Вот и чудно. Значит, не убежит.

Валерьян Валерьевич, однако, побаивался оставлять в доме цыганку:

– Я, конечно, сочувствую ее положению… Но племя-то невразумительное… А ну как мне дом расхитят?

– Отец, полно тебе. Илона не из таких.

– А все-таки негоже благодетельствовать за чужой счет. И как ты хочешь устроить ее будущее? Не собираешься же, упаси Господь, приспособить ее наложницей?

– Отец, вот и ты… Не ожидал, что ты можешь так обо мне подумать. Не повторяй бабьих сплетен. Убежден, что с ее одаренностью она выучится, достигнет творческих успехов, и начнется у девочки новая жизнь. Вырастет – выдадим замуж. И без публичного предъявления девственной крови.

– Ну, это еще вилами по воде… По крайней мере, покамест варварка только тебе и доверяет, а при оформлении паспорта выбрала фамилию «Шевцова». Других вариаций и знать не хотела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.